

Черненко Никита

Отражение

В СТЕКЛЕ

16+

Никита Черненко
Отражение в стекле

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Черненко Н. А.

Отражение в стекле / Н. А. Черненко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Как часто вам снятся сны? А как часто вы запоминаете их? Может, вы ими управляете? Что ж, значит, вы везунчик... Поверьте, далеко не всем людям на земле дано право управлять своими снами, а порой с их управляющими могут возникнуть неожиданные конфликты... Однако, чаще проблема в том, что этот конфликт появляется не тогда, когда нужно.

© Черненко Н. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Отражение в стекле

Что такое сон? Если подумать, то сон – это плод фантазии спящего, но функционирующего мозга, который проецирует нам причудливые узоры своего воображения. Порой, мы их видим и запоминаем, а иногда нет. Бывают сны хорошие, бывают плохие. От плохих мы просыпаемся в холодном поту посреди ночи, а потом облегченно выдыхаем, понимая, что это сон, страх уходит, и мы погружаемся в небытие вновь. От хороших снов не хочется освобождаться, и лишь утром мы с горечью осознаём, что это был плод воображения. Мимолётный эпизод счастья, от ухода которого порой становится грустно, а может и вовсе захочется биться в истерике за то, что ты никогда не увидишь конца этого сна, да даже середины или, хотя бы, начала. Сны не терпят повторений, даже если они и похожи в сюжете, то детали всегда будут другие, другие имена, сюжеты, другая эпоха, пространство и время.

И всё же, мы движемся дальше, как бы ни было грустно прощаться со сновидениями. Ведь никогда у нас не возникало сомнений, где сон, а где реальность...

Пролог

Секундная стрелка часов мирно отстукивала мгновенья, было чуть меньше трёх ночи. За окном размеренно шёл дождь, капли стучали по подоконнику старой многоэтажки, потерявшей где-то в толще районов, окружающих центральные улицы города. Сквозь приоткрытую форточку слышались звуки редко проезжающих машин.

Отдельного внимания стоила сама комната. Обстроенная с максимальным минимализмом, небольшая, но уютная комнатка, со светлым столом, заваленным карандашами, фломастерами, маркерами, ручками, а также скомканными, или бережно сложенными листами бумаги, некоторые из которых были скреплены воедино, образуя книги, толщиной с гляцевый журнал. Рядом стояла кружка недопитого чая, пара фантиков от каких-то конфет, кружка приминала распечатанное письмо. На отодвинутом от стола офисном стуле небрежно лежала толстая, но на удивление мягкая и приятная кофта, не стесняющая движения. На одной из ручек кресла были накинута рубашка и какие-то свободные, домашние штаны. Шкаф, высотой почти до потолка, с приоткрытой левой дверцей, из которой будто выглядывал пиджак, чей цвет было невозможно разобрать в ночных потёмках. На полу одиноко скучал ковёр, лежащий ближе к тёмно-серому дивану, на котором беспокойно спал юноша, то и дело вздрагивая, ворочаясь, бормоча что-то под нос до тех пор, пока не проснулся со сдавленным криком не то отчаяния, не то боли.

Высокий рост, бледная кожа, чёрные волосы, в которых, при детальном рассмотрении, прослеживались оттенки коричневого. Юноша лет двадцати на вид всё ещё растерянно смотрел перед собой, приводя дыхание в норму. Кровь часто стучала в висках, внимая пульсу, казалось, стук сердца был в тысячи раз громче стука стрелки часов.

«Всего лишь сон... может, стоит радоваться этому? Или наоборот?»

Очередная попытка вспомнить сон ни к чему не привела, но всякий раз он ощущал, что там что-то важное! Что-то, что заставляет его радоваться и грустить одновременно. И ладно бы, если бы это было всего один раз, это повторялось всё чаще и чаще.

Артём был студентом местного университета. Для себя самого он слегка утратил мысль о том, а зачем он, собственно, продолжает учёбу, если она ему не интересна. Однако он изо дня в день продолжал ходить в университет, каждый раз, стоя на одних и тех же местах в одних и тех же коридорах, садясь на те же самые места в тех же самых аудиториях. Сложно сказать, был Артём доволен своей жизнью, или просто привык к вечно повторяющемуся циклу, который накладывался сам на себя одинаковыми витками. «Человек без цели» – одно из лучших описаний подобного типа людей, но в то же время можно было сказать, что его цель была намного сложнее, а потому и незримой даже для него самого.

Он уныло глянул на часы, продолжая сидеть на своём спальном месте, но впервые за долгое время его не удовлетворило то, что была глубокая ночь; он задумался. Стоит ли пытаться вспомнить сон, который так долго преследует тебя, тревожит твою нить сознания, будто пытаешься вырвать откуда-то, или призвать к чему-то? Но, в конце концов, это ведь просто сон, неужели сон вообще способен нести смысл, а не быть простым плодом фантазии Морфея? Отогнав навалившуюся кипу мыслей, Артём встал, прошёл к окну, сам не осознавая необходимости в том. Такие ритуалы есть у каждого человека в своей жизни: мы просто что-нибудь делаем из раза в раз в какой-то момент течения судьбы, будь то выглядывание в окно, попытка

узнать температуру «за бортом», или простой просмотр телевизора с утра пораньше с чашкой горячего чая. Человек есть, был и будет существом, адаптирующимся к новым вещам, но глубоко суеверным, чувствительным и чувственным. Чаще суть в том, что кто-то слепо пытается скрыть это, якобы показывая силу, а кто-то не скрывает этого, показывая мнимую слабость. Но не ошибается ли общество, считая это так, а не наоборот?

Артём вновь обнаружил себя в задумчивой позе и скинул пелену с глаз, спешно отойдя от окна. Задуматься два раза подряд над тем, что даже не имело предпосылок? Ему только что показалось, что внутри души что-то больно кольнуло его вместе с приходом этого факта.

Юноша уселся в кресло, но почти тут же привстал, почувствовав на сиденье кофту, которую тут же накинул на плечи, пробежался взглядом по рабочему месту и схватился за первый попавшийся лист. Но уже через минуту беглого и пренебрежительного чтения, лист был уже скомкан и откинут на пол, потом ту же участь повторил ещё один лист, а потом ещё, и ещё... Наконец, когда половина бумаги, мирно лежащей до того на столе, отравилась на пол, Артём встал и отправился на кухню.

На кухне царил такой же полумрак, как и в прошлой комнате. Один из двух единственных стульев стоял возле неказистого деревянного стола, приставленного к стене. В раковине ждали своей очереди чашки, ложки, вилки, тарелки и прочие столовые приборы, которые Артём предпочитал не мыть до тех пор, пока не появится крайняя нужда. Чайник на плите был до краёв наполнен для того, чтобы утром не возиться с его наполнением. Ящичков, которые могли бы похвастаться не то что наполненностью, но даже присутствием в них каких-то вещей, было ничтожно мало. В прочем, холодильник тоже страдал из-за то и дело навещающей его пустоты.

Артём глубоко вздохнул, прошёлся по свободному клочку пространства на кухне, после чего нащупал рукой кружку с недопитым холодным чаем и залпом опустошил её. Он вновь подошёл к окну и в этот раз намеренно погрузился в себя в поисках хоть нити, которая сможет его связать с тем сном, хотя бы намекнуть ему, что он там видел и что заставляет его просыпаться от этого сна в холодном поту, но с чувством душевного спокойствия.

Когда часы показывали четыре утра, Артём очнулся от раздумий. За целый час он не смог вспомнить ни одного фрагмента из надоедливой сна. От досады он слегка ударил по столу, угрюмо встал, направился в комнату, где осмотрел пол и с раздражённым выражением лица принялся убирать разбросанные на полу комки бумаги. Взяв последний лист, Артём распрямил его, глубоко вздохнул и положил на стол, после чего вновь лёг спать. С листа в потолок устремился взгляд нарисованной карандашом девушки.

Глава 1

Университет представлял собой серое безжизненное здание, окруженное решетчатым забором, там и тут покрытым ржавчиной. В реалиях города, он был лучшим высшим учебным заведением в округе, в реалиях страны – захолустьем.

В этот раз Артём выглядел ещё мрачнее, чем обычно. Как правило, он хотя бы смотрел по сторонам, но в этот раз его можно было сравнить лишь с отражением вселенской озабоченности по вопросу не менее важного характера. Но часто ли мы думаем о том, как о нас думают окружающие, погруженные сами в себя?

Он остановился перед порогом университета, с глубоким выдохом дёрнул за ручку двери, на что та отозвалась скрипом, в котором при особом желании прослеживался укор со стороны двери и сидящего рядом охранника, провёл магнитным ключом по датчику турникета и вошёл в раздевалку. День начался.

В коридорах было немногочленно. Студенты или сонно переговаривались между собой, или вовсе пытались доспать последние минуты перед парами. Но вот прогремел сигнал и все вошли.

Наверное, стоило бы отметить пораньше, что Артём решил посвятить себя психологии. Нет, не потому что у него всё было хорошо с биологией, не потому что он хорошо разбирался в людях, он вообще не выделял особых причин поступления именно на этот факультет, ему просто захотелось и всё тут. Может, он оценивал себя по характеру, опираясь на то, что многие психологи веют этакой мрачностью, серьёзностью и таинственностью, а может, ему просто показалось диким идти на факультет журналистики, куда пойти было бы намного логичнее.

Это была очередная пара у того же самого профессора, который, может, любил свою работу, но не понимал, что от него требовалось. Всю лекцию он рассказывал истории из жизни, в то время как одна половина студентов спала, а другая из вежливости слушала, и лишь единицы при этом уныло сверлили ближайшие предметы в задумчивости. В этот раз Артём был единственным, кто смог хоть как-то поддерживать бодрствующее состояние, а не провалиться в сон под монотонный бубнеж старика.

В аудиторию запыхавшись влетел опоздавший студент, который, оглядев всех присутствующих, с облегчением на лице пошёл в сторону Артёма (стоит отметить, что профессор даже не обратил на опоздавшего внимание). Присев, студент легонько толкнул Артёма в плечо и сказал:
– Здорово, Леший. Чё не спишь?

– Привет, Макс. Не спится, – уныло, можно сказать, механически, ответил «Леший».

Максим Моржов был тем обычным студентом-раздолбаем, который поступил ради факта о поступлении, но даже и не думал доучиваться или, уж тем более, работать по профессии (да и вряд ли работать вообще). Большую часть пар он пропускал, гуляя с такими же друзьями по городу, максимально просаживая жизнь в чём-то, что, по мнению таких, как он, можно назвать «веселье». Это был среднего роста худощавый парень с кустистыми кудрями, из-за которых сзади он порой мог походить на девушку. От девушки же его отличало несущественно мало вещей, куда не входил и характер, слепленный под чутким руководством бабушки, мамы и двух старших сестёр, пестрящий нескончаемым желанием выглядеть неотразимо, одеваясь во всё модное и входящее в число трендов современной молодёжи. Артём до последнего думал, что шопоголизм не распространяется на мужчин, но Макс доказал обратное.

Моржов знал Артёма ещё с начальной школы. Так уж вышло, что маленький Максим сел прямо за одну парту с мальчиком, который очень смешно и по-актёрски официально представился как «Артемий Серов». С тех самым пор они продолжили дружить, но в один момент

Артём свернул с пути, и при этом не оставил общение с практически единственным другом, который знал в этом угрюмом человеке ту самую позитивную сторону, которая практически не проявляла себя на протяжении всей учёбы в университете.

К счастью Артёма, Макс не настаивал на продолжении диалога, а просто вальяжно растёкся на своей части парты, закрыв глаза и намереваясь поспать часок-другой. Мысли, как это и бывает после неожиданного выхода из задумчивости, летали в некотором смятении, возмущённые самым лишь фактом того, что кто-то осмелился потревожить их мирный ход или бурный поток. Но вскоре они успокоились, вновь построились в удобные ряды и потекли в едином потоке сознания, в котором Артём то и дело видел всплывающие силуэты из жизни, сюжеты книг, отрывки из причудливых мелодий. Нет, Артём не думал о том сне, он вообще не ставил перед собой определённой цели, он просто надеялся, что этот поток мыслей его вынесет к берегам какой-то идеи, которую он уже сможет полноценно обдумать и, возможно, воплотить во что-то действительно стоящее.

Как несложно понять, Артём был писателем. Не сказать, что самым настоящим, по большей части писал он чисто для себя, но некоторые работы он даже смог удачно сдать в местную литературную контору, где пару его рассказов напечатали в придачу к сборнику работ известных авторов. Деньги это приносило смешные, но для студента любой вид заработка (тем более, приносящий удовольствие) – это возможность жить получше других таких же студентов.

И вот именно в такие моменты, по мнению нашего писателя, вдохновение охотнее всего распахивало свои двери перед просящими. Но сегодня или Артём не слишком усердно просил, или вдохновение было чересчур жестоким, но на ум ничего дельного не приходило, а в поток мыслей то и дело с громким всплеском падали камни, нарушая мирный ход этой таинственной жизни.

Последней каплей стал звонок с пары, оторвавший профессора от монолога, а студентов от созерцания снов. Народ нехотя выходил из аудитории, разбредаясь по коридорам. Артём же решил выйти во внутренний двор и слегка освежиться.

Во внутреннем дворе было немногочисленно и мрачно. Возле стен в компаниях стояли уже с зажжёнными сигаретами студенты, лавочки с облезшей краской были пусты, деревья уныло склонились над главной дорожкой, утопающей в лужах, на газоне то здесь, то там лежали комья грязного снега, доживающие последние дни и готовые растаять от первых солнечных лучей. Артём любил сидеть на одной из здешних лавочек, отдаваясь на несколько минут в руки природы, но дождь помешал ему пойти по обычному маршруту и буквально заставил его просто медленно пройтись по дорожке, не ища в этом цели. Он неожиданно вспомнил картину из прошлого, как гулял в такую же погоду, а прямо слева от него под руку шла его девушка. Они просто молчали и шли вперёд, слушая шум дождя. Артём был счастлив просто возможности идти рядом с ней, говорить с ней, смотреть на неё. Может ли мечтать о чём-то большем человек, по уши влюблённый в другого человека?

– Эй, меня слышно? – с ноткой раздражения в голосе произнесла девушка, идущая рядом.
«Точно с левой стороны, хм»

– Да, прости, просто задумался... – уныло ответил Артём, не поднимая глаз на собеседницу.

– Понятно.

Нависло неловкое молчание.

– Почему ты всегда гуляешь тут?

– Ну... я не всегда гуляю здесь, – он знал, что врал.

– Меня, кстати, Алисой зовут. Не думай, что я тут специально высматривала тебя всё время, просто сложно не заметить парня, сидящего на лавке каждый день, когда смотришь из окна коридора, – продолжила Алиса, приветливо улыбаясь.

Только сейчас Артём решился поднять глаза и взглянуть на девушку, которая шла рядом с ним. И теперь он тысячи раз пожалел, что не сделал этого раньше.

Девушка была чуть ниже его роста, со светлыми волосами, заканчивающимися на плечах и прекраснейшим лицом. Немалого внимания стоили широкие, изумрудные глаза, спокойно смотрящие перед собой; в то же время Артём мог поклясться, что девушка медленно изучала и его, бросая секундные взгляды, после чего возвращаясь к дорожке, по которой они шли. Артёму понадобилось сделать усилие над собой, чтобы мгновенно не утонуть в этом взгляде, а лишь продолжить осматривать её дальше. Чёрная кожаная куртка вздымалась в такт дыхания вместе с грудью, ноги, обутые в сапоги на низком каблуке, шли ровно в такт прогулочному шагу Артёма, из кармана джинсов, как это часто бывает, не выпирал мобильник.

Алиса тихо рассмеялась, он только сейчас понял, что идёт с открытым ртом.

– Очень приятно, а меня Артёмом звать. Я... я видел твоё выступление на студенческом концерте, весьма впечатлён.

«Значит, Алиса... Никогда бы не подумал, что всё это время я рисовал Алису, хотя какое имя я ожидал? Венера?»

– Так ты был на нём? Я думала, что люди вроде тебя не бывают на таких мероприятиях, – беззлобно, но с лёгким сарказмом произнесла собеседница.

– Какие? Вечно одинокие и рассеянные?

– Нет. Мечтательные и задумчивые.

Со стороны университета прорвался звонок.

– Ладно, мне пора. Надеюсь, ещё увидимся, – сказала Алиса, одарив Артёма на прощанье улыбкой, после чего прибавила шаг и быстро скрылась из виду. Но Артём вскоре и сам начал ускоряться, направляясь в сторону входа во внутренний двор. Неужели он только что общался с той самой девушкой, которая приковала его внимание ещё пару недель назад, заставила одним лишь своим видом вновь взяться за карандаш и вспомнить уроки, которым учили его в художественной школе?

Артём вошёл в аудиторию одним из последних, заняв место на одном из дальних рядов, попутно вытаскивая из сумки необходимые для плодотворной учёбы канцелярские принадлежности, пару потрёпанных тетрадей и небольшую стопку бумаг в папке. Конечно, он мог обойтись и без всего этого, но биология требовала присутствия всех этих вещей.

С учительского стола одаривала презрительным взглядом сквозь старомодные очки женщина лет пятидесяти на вид. Одета в коричневый пиджак, она была похожа на бородавку, за это и за характер её и прозвали Жабой.

Нина Прокофьевна небрежно диктовала определения, связанные с анатомией человека; практически все они были в той или иной степени связаны с мозгом, исключая лишь некоторые, которые показались Артёму даже забавными в его понимании. Он писал сквозь мысли, безучастно, его в целом мало волновало, что там диктовала Жаба, его интересовало то, с чего это так неожиданно Алиса завязала диалог с ним. Может, ей просто стало интересно, в чём же его проблема? Ведь не может человек ходить без особого повода во внутреннем дворе каждый

день, уныло поглядывать на природу вокруг и разговаривать мысленно с самим собой. Или же ей просто показалось забавно поболтать с таким психом-социофобом?

Весь оставшийся день в университете прошел без изменений. Пары, на которых Артём лишь уныло записывал, обед в студенческой столовой, где еда то и дело становилась причиной отправки первокурсников в больницу. Хотя учителя, казалось, выработали некий иммунитет, и теперь все как один ссылались на фастфуды, лишь бы защитить от колкой критики бравых поварих. Путь домой тоже не смог порадовать каким-то неожиданным сюжетом: машины проносились по пролегающей рядом дороге, взбивая пленку грязной воды вперемешку с бензином, и поднимая капли на десятки сантиметров в воздух; те тяжело падали почти там же в ожидании нового урагана на колёсах.

Квартира встретила тусклым освещением, исходящим из немых окон. Холодильник мирно гудел со стороны кухни, в комнате постукивали часы, а из ванной доносились звуки каплюющей воды из плохо закрытого крана. Созерцание этого пейзажа наряду со столь печальным трио способно разбить даже самого жизнерадостного человека. Просто закройте его здесь на недельку-другую, и вы получите на выходе сумасшедшего, который перестанет вообще что-либо слышать, кроме этого жужжания, тиканья и капанья. Или же произойдет так, что к трио присоединится звук покачивающейся туго натянутой веревки...

Артём впервые впустил к себе в голову мысль о верёвке, но практически тут же отогнал её, как назойливую муху и направился в ванную смыть с себя следы усталости.

Холодная вода позитивно действовала на расположение духа. Настолько, что студент решил на небольшую уборку.

"Всё-таки в чистоте жить приятнее" – он надел наушники и включил музыку погромче.

Работа закипела с такой силой, какую уже давно не видела эта квартира. Грязная посуда спешно, но качественно отмывалась, после чего вытиралась и ставилась на отведенные ей места на стеллажах и в ящиках. Крошки со стола отправились в мусорку, за ними последовала подозрительно пахнущая сметана, батон плесневелого хлеба и прочие давно забытые и тронутые временем продукты.

Через какое-то время с кухней было покончено. Хоть Артём почти и не замечал изменений (а они были), пока в голове крутилась любимая пластинка, было решено перекинуть своё внимание и на свой писательский стол. Вскоре юноша уже скреплял некоторые листы воедино и с материнской нежностью складывал их в ящик. Некоторые он по несколько минут рассматривал, то и дело переписывая некоторые слова, предложения и абзацы. Те, что удалось спасти, он откладывал на столе в отдельную стопку, а иные выкидывал, с лёгкой иронией мысленно называя "время и дату смерти". Наконец, из всей груды бумаг показался запылившийся ноутбук, который Артём встретил возгласом в духе: "Привет, пропащая душа!", после чего вставил в него шнур зарядки, лежащий неподалеку, и продолжил свои раскопки.

Когда со всеми листами было покончено, Артём включил ноутбук, и только сейчас заметил лежащий возле стола рисунок Алисы.

"Видимо, обронил в пылу битвы со своей же писаниной" – он поднял портрет с пола. В голове тут же невольно всплыли изумрудные глаза певицы, а вместе с ними и признание того, что портрет совсем не похож на оригинал, который был в сотни, а то и в тысячи раз лучше в реальной жизни. Подумав об этом, Артём положил лист на стол и устало плюхнулся на диван, даже не замечая того, как медленно проваливается в сон.

Сверху ярко светило солнце, а рядом кто-то что-то тихо говорил. Голос попросил закрыть глаза и посчитать до десяти, на что Артём беспрекословно согласился и покорно закрыл лицо руками. Открыв глаза, он привстал так, чтобы его голова была выше травы вокруг, огляделся и, увидев размытый силуэт вдали поляны, что-то подумал про себя и рванул вдогонку, ни на секунду не переставая улыбаться.

Уже в лесу, поняв, что не способен приблизиться ни на шаг, он остановился и с тревогой посмотрел вдаль. Вдруг голова начала мелко вибрировать, тело пошло дрожью, которой, казалось, вторила сама земля, дрожь в ответ. Вибрация усиливалась, к ней присоединилась тревожная и тяжёлая мелодия, от которой юноша сел на корточки и заткнул уши руками, пытаясь ничего этого не слышать. Взгляд покрывался туманом от напряжения, по лесу разнёсся оглушительный крик, которому будто по команде ответил Артём своим, ещё более громким криком. Он покосился и упал, отпустив руки от ушей, из которых мгновенно брызнула кровь. Сознание угасало, из горла вырывалось сдавленное дыхание, глаза неконтролируемо закрывались.

Глава 2

Сон окончательно прервал звенящий под подушкой телефон. Артём лихорадочно оглядел комнату, после чего вытащил мобильник, попутно взглянув на надпись «Неизвестный номер», и взял трубку:

– Да, алло.

– О, привет! Это... это Алиса, помнишь меня? Мы сегодня общались в универе. Не отвлекаю?

– Нет, – Артём взглянул на часы, – а откуда ты знаешь мой номер?

– Это не важно. Короче, слушай, я хотела тебя спросить, ты как относишься к посиделкам в баре? Просто у нас тут сейчас собирается небольшая компания, и я подумала, что ты... возможно...

– А, да, слушай, я, если честно, не любитель вовсе. Да и мне кажется, что я не впишусь в вашу компанию, поэтому давайте как-нибудь без меня, окей?

– Да, я поняла, ладно... что же, тогда пока – слегка погрузневшим голосом ответила девушка и повесила трубку.

Артём положил телефон на стол. На часах было семь вечера, в голове ощущалась неприятная тяжесть после дневного сна, тело неохотно выполняло приказы, отдаваемые мозгом. Казалось, что ещё минута, и организм просто остановится, замерев в ожидании скорой смерти, которая, несомненно, пришла бы, если бы всё так и произошло. Но, судя по всему, тело Артёма ещё не собиралось умирать, а поэтому он потянулся за ноутбуком.

Артём имел много хобби: писательство, иногда рисовал, сон, трата времени впустую, но особую любовь он питал к просмотру глупых картинок и проматыванию лент в социальных сетях на своём изрядно потрёпанном ноутбуке. Этим наверняка страдал ни один он, а кто-то, может, и заметно чаще, но вряд ли на земле может жить сразу два человека, которые одинаково горячо любят данный вид занятий. Конечно, иногда он корил себя за это, но в итоге в голову всегда приходила отговорка, мол, так он ищет вдохновение (а ещё любовь и смысл жизни), и как бы Артёму не хотелось что-то изменить, лень и желание добраться до конца этой длинной ленты были сильнее.

Но сегодня, по всей видимости, был особенный день. Казалось, весь мир неожиданно вспомнил о его существовании, и вот уже почта полна сообщениями (по большей части спамом), телефон то и дело вздрагивает от смс-сообщений, а в социальных сетях напоминают о себе старые знакомые и давние друзья. Рутинная медленная и неохотно отдавала Артёма в руки ворвавшейся без спроса жизни, которая буквально тут же унесла юношу в своём бурном потоке, пробуждала чувства ностальгии, светлой грусти и приятного ощущения, приходящего вместе с пониманием того, что о тебе всё ещё кто-то помнит. Писатель так и просидел до глубокой ночи за ноутбуком, общаясь с людьми из разных городов, разных возрастов, политических и моральных взглядов, обсуждая всё, что можно было только обсудить и на что хватало смелости мысли. Но, как и всё светлое в этом мире, диалоги заканчивались, тем для разговоров становилось всё меньше и так до тех пор, пока всё не стихло в добром безмолвии. Вдоволь утолив жажду в диалоге, Артём обнаружил легкую тень улыбки на своём лице. Часы показы-

вали чуть больше двенадцати часов ночи, и, заключив, что для сна ещё рано, схватил пальто из прихожей, закрыл квартиру и бодро зашагал вверх по лестнице

Крыши, как это часто бывает, закрыты для посещения кем попало, однако этот дом был исключением. Ещё год назад кто-то взломал дверь, оставив её, а вместе с ней и крышу открытой для посещения одинокими мыслителями, охотниками за красивыми видами, влюблёнными парами, группами подростков, которые вечно сновали вокруг в поисках приключений и теми, кто захотел поспорить с силой притяжения и пробовал взлететь, но безуспешно падал камнем с бетонного монолита. Иногда Артёму казалось, что он видит мутные призраки тех людей, которые отправились в свой роковой полёт, и остались здесь, навеки застряв между адом и раем в месте куда похуже – на земле.

Он медленно подошёл к перегородке, слегка обхватил её пальцами, закрыл глаза и сделал глубокий выдох. По спине прошёлся приятный холодок – эффект был достигнут. После такого небольшого ритуала, Артём открыл глаза и замер.

Снизу открывался прекрасный вид на весь район вокруг: по дороге летели машины, напоминающая собой электрические импульсы, бегущие от одного нейронного узла к другому, сверкающая жёлто-красными цветами. Дворы убаюкивали уставших от трудовой рутины своей тишиной, где-то вдали послышался рокот вертолёт. Неожиданно в оркестр ночного города врезался звон сирены, издаваемой каретой скорой помощи, мчащейся много быстрее других машин на дороге.

«А может вот она, жизнь? Затеряна, спрятана в этом шуме и суматохе, пробегает всех по очереди, наделяет своим дыханием, чтобы вернуться к самому первому. Хотя тогда это ставит под сомнение то, что я живу вообще»

Из раздумий Артёма вывел раздавшийся позади скрип двери. Обернувшись, он увидел молодую девушку в проёме, смотрящую на него усталым и, казалось, каким-то просящим взглядом. Лишь увидев на себе взгляд парня, она опомнилась, выпрямила спину и с наигранной смелостью сказала:

– Если я не вовремя, я могу позже зайти.

– Хм? А, нет, я тут просто задумался слегка... если я тебя ничем не смущаю, то проходи, конечно, крыша-то общая – на секунду Артёму в шутку захотелось сделать реверанс, но что-то заставило его отказаться от данной мысли.

Пока девушка подходила, Артём смог рассмотреть её получше: чёрные подведённые глаза выделялся больше всего, в то время как остальной макияж не пестрил особой выразительностью и не кричал о себе. Казалось, что он подстраивался под характер девушки, и лишь скромно выглядывал в некой неуверенности насчёт того, что ему действительно необходимо показывать себя. Чёрная кожаная куртка вместе с белыми брюками выглядели вполне лаконично, хотя по мнению многих такой стиль выглядел несколько нелепо, но эта девушка на удивление хорошо смотрелась в этом наряде, и была настоящим символом гармоничности и скромности одновременно. Когда она подошла к поручням, из кармана куртки явили себя свету пачка сигарет и зажигалка. На немое предложение взять сигарету и себе, Артём ответил таким же немым отказом, а после сказал:

– Курить вредно. Не то чтобы я настаивал, дело твоё конечно, но так, просто для справки, – девушка пробурчала что-то неразборчивое в ответ, видимо, смакуя дозу табака. После недолгой паузы, была сделана вторая попытка начать диалог:

– Хорошая ночь, а?

– Угу.

– Ты всегда такая немногословная? – Артём скептически поднял одну бровь.

– Нет.

– Я тебя раньше не видел тут, давно ты так выходишь? – девушка на секунду напряглась.

– Да чего ты пристал-то?! – в уши отдало от слегка взвизгивающего вопля.

– Эй, эй, я ведь оглохну, – и, видимо, оценив громкость своей фразы, собеседница порозовела в щеках, выкинула окурок и глубоко вздохнула.

– Прости...

– Трудный день, да? – Артём и не злился, но от такого развития диалога на лице невольно проступила ухмылка.

– Можно сказать и так. Слегка достали, скажем так... кстати, тебя как...?

– Артём.

– Марго.

– Красивое имя, а главное редкое! – девушка мило улыbnулась.

– Давно тут стоишь? – поинтересовалась Марго.

– Не знаю, если честно. Я всегда теряю счёт времени, особенно по ночам. Тут так красиво обычно...

– Да уж, – Марго достала телефон. – Сейчас половина первого.

– Ну, я тут, значит, примерно полчаса стою, – заключил Артём – или больше...

– Не надоедает так долго в одну картину пялиться?

– Нет. Людям же не надоедает всю жизнь ходить на одну работу, жить с одним и тем же человеком, слышать одно и то же имя в свой адрес, так ведь? Вот и мне не сильно надоедает приходить сюда раз в пару недель и смотреть на ночной город. Это романтичнее во всяком случае.

– С тобой не поспорить... а чем ты обычно занимаешься? В смысле, я имею в виду помимо стояния на крыше многоэтажки, как самоубийца?

Артём слегка задумался и глубоко вздохнул.

– Знаешь, я порой сам себя спрашиваю, а чем я, собственно, занимаюсь...

– Не-е-ет. Только без философии, молю тебя! – почти тут же взмолилась Марго.

– Ну ладно, ладно... учусь на психолога в местном универе, а в свободное время занимаюсь чем угодно: начиная писательством и рисованием, и заканчивая бездарной тратой времени в интернете. Нас таких много, просто нужно поискать, так сказать. Всё одно – ленивые, нелюдимые, редко гуляем и готовы вести длинные диалоги ни о чём, лишь бы показать свою... уверенность в своём выборе что ли?

– Интроверт короче.

– Да, – Артём рассмеялся, – в точку.

– И никогда не хотел измениться? Или у интровертов ещё и абсолютно другое представление привычного и правильного?

– Не совсем. Понимаешь, некоторые вещи не меняются сами. Для чего-то нужен толчок, поршень, двигатель, в конце концов. Люди – это те же самые машины. Мы не работаем без бензина, водитель – наша голова, а ноги – колёса. Разница лишь в том, что машина управляется нами, а мы управляемся сами собой и другими одновременно. Жертвы обстоятельств, Марго, все мы вокруг жертвы обстоятельств...

– Некоторые обстоятельства не случились бы, если бы ты сам не послужил для них поршнем.

Артём задумался.

– Да, так и есть, – он улыбнулся – может, пойдём отсюда? Становится холодно.

– Да, согласна. Спасибо за компанию, мне правда было интересно с тобой пообщаться, – Марго на секунду прервалась, перешагивая через дверной порог – я, кстати, на третьем этаже живу, это так, на всякий пожарный.

– А я на восьмом. Тут, что называется, заходи, если что. Буду рад гостям вроде тебя.

Марго улыбнулась и нажала на кнопку вызова лифта.

– Ну, тогда пока? – сказал Артём.

– Да, до встречи, – лифт распахнул двери и девушка скрылась в кабине.

«Волшебное время, эта ночь, – раздумывал Артём уже в своей квартире – днём ты один человек, а ночью другой. Днём мы видим обычный мир, а ночью его иную, более манящую сторону. Сторону, наполненную драйвом, азартом, страстью и своим, иным весельем. И всё же даже несмотря на всю манящую сущность ночи, мы с нетерпением ждём скучного порядка нового дня. Всё-таки люди – странный предмет...»

Он ещё долго сидел, смотря на окно. Город продолжал дышать, жить и убаюкивать, унося события дня прочь, чтобы не забивать сонные головы лишними раздумьями. Перестав бороться с соблазном, Артём лёг на диван и почти мгновенно крепко заснул.

Утро выдалось на редкость приятным: дул тёплый по сравнению с другими днями ветер, на небе почти не виднелись облака, позволяя солнцу прогревать мир вокруг, на некоторых

деревьях оживлённо пели уже прилетевшие птицы, где-то лаяла собака, а на детской площадке слышались крики ребят. Но... какие ребята в семь утра?

Артём схватил телефон, который не отвечал на позывы.

– Разряжен. Твою медь! – в сердцах произнес Артём, сдергивая с глаз сонливую пелену и вскакивая с дивана. Но заглянув в окно, он поумерил свой пыл, ибо проспал до обеда, а значит и торопиться уже некуда – большая часть пар уже благополучно пропущена. Эта мысль, как ни странно, не сильно давила на совесть, и даже наоборот – она будто пыталась успокоить, говоря, что Артём всё равно не пропустил ни одного занятия за учебный год, а с оценками всё достаточно хорошо, чтобы не волноваться по их поводу, исходя из чего можно было остаться дома и не волноваться о пропущенном учебном дне.

Чашка кофе, тёплый душ, сон до обеда и солнце на улице – такой простой рецепт счастья для человека, всю жизнь встающего в шесть утра и видящего солнце сквозь окна построек, в которых так порой не хочется находиться. После беглого осмотра стола на предмет важных и не очень бумаг, Артём решил пройтись в парке.

Он редко бывал на местном островке зелени. Всегда находился «веский» повод не выходить на улицу и остаться дома, но сегодня был особенный день – в их край заглянуло апрельское солнце. На деревьях и кустах уже были видны почки, снега осталось мало, а своим цветом он напоминал скорее свежий асфальт, трава выглядела как недавно сбритые волосы, лишь слегка выглядывая из ещё холодной земли. На пруду в центре парка вальяжно плавала небольшая стая уток, на лавочках то и дело сидели случайные прохожие, они же ещё реже пробегали в марафонском темпе, выдерживая темп и дыхание. Казалось, что город буквально ожил, приклоня колени перед солнцем, пытаясь поймать как можно больше его лучей, его сияния...

Артём шел, не думая ни о чём. Он просто дышал свежим воздухом и медленно гулял, как и подобает делать настоящему посетителю парка, пока не вышел за очередной поворот.

За тем поворотом притаилась лавочка. Воссозданная по идеям безымянного архитектора, она представляла из себя место для влюблённых пар: на спинке красовались девушка вместе со своим кавалером, готовые слиться в поцелуе, а по центру лавки было сделано что-то вроде углубления, куда ты даже против своей воли съезжал, якобы навстречу своей второй половинке. Но у Марго были явно другие планы – она одиноко склонилась над какой-то книгой в центре этого кратера, даже издали девушка казалась опечаленной чем-то. Артём остановился в легкой нерешительности, но потом сделал как можно более доброжелательное лицо и выдвинулся к лавочке.

– Чего скучаем?

– А я и не скучаю. Может мне весело? – сухо ответила Марго, не поднимая глаз от книги.

– А мне кажется, ты грустная сегодня.

– Может быть...

– Могу помочь?

– Хм? Вряд ли...

– А спросить в чём дело? – Артём присел на корточки сбоку от девушки

– Очень даже вряд ли – девушка посмотрела на Артёма и улыбнулась. Но улыбка была настолько искусственной, что его почти тут же передёрнуло. Или это передёрнуло оттого, что у девушки была подтёкшая тушь вокруг глаз?

«Это плохая идея. Она тебя прямо в этом парке закопает. – Артём начал колебаться и спорить с самим собой – К чёрту! Один раз живём»

– Ладно. Но что на самом деле случилось?

– Ничего – в голосе Марго проявились металлические нотки.

– Я просто хочу помочь, вдруг, я всё-таки могу что-то изменить? – Артём уже не думал отступать.

«Курок заряжен, патрон сидит в патроннике. Осталось дожидаться выстрела или осечки... только бы осечка»

– Я уже сказала, ты вряд ли мне поможешь.

– Но...

– Никаких «но»! Отвали ты уже, пока... пока – Марго произнесла эту фразу настолько громко, что у Артёма на мгновение заложило уши.

– Пока что?

– Да ты издеваешься?! Отвали ты уже наконец!

Не успела Марго договорить, как у Артёма перехватило дыхание. Весь мир на минуту помутнел, уши звенели как после контузии, руки дрожали. Несмотря на всё это, он смог встать и небрежно побрёл куда-то прочь от парка, от лавочки и этой девушки.

Он не заметил, как вернулся домой. Не заметил, как открыл дверь, не обратил внимания на идущий уже около часа ливень, на то, что было уже затемно. Мозг лишь хаотично тыкал на кнопки, отдавая приказы, которые обычно отдавал после захода в дом: разуться, снять верхнюю одежду, пройти дальше. Пальто было насквозь мокрое, как и ботинки, а с головы и вовсе стекали капли воды, как после душа. Но Артём не заметил и этого – он сел на диван и уставился бездумным взглядом перед собой.

Артём часто слышал кричащих людей. Это были младшие классы в школе, пьяные задиры под окном ночью, ссорящиеся соседи, сверстники и многие другие. Но никто из них не смог произвести такого впечатления: Артём уловил в голосе Марго столько боли, тоски и злости, что она просто прошибла его насквозь своей последней фразой, перекорёжив всё изнутри, словно разорвавшаяся внутри пуля. Нет, Артём ушел не потому что испугался этого крика, просто настолько он был тяжёлым для бездумного восприятия.

Пелена на глазах понемногу начала спадать. В голове становилось всё более свободно, освобождая магистраль мыслей, но те отказывались ехать дружным потоком, а лишь хаотично врезались друг в друга на огромных скоростях, раскидывая свои осколки по всему сознанию. Руки больше не дрожали, в ушах не звенело, а нос уловил запах старой штукатурки, пыли и старых книг – эта смесь была настолько привычна раньше и настолько отталкивала сейчас, что Артём на секунду ужаснулся.

«А вдруг я квартирой ошибся?» – мысль была отвергнута сразу – ключ от двери подошёл идеально. Ноги ужасно болели, будто после затяжного марш-броска, об этом же свидетельствовала и проявившая себя усталость. Артём посмотрел на часы – те показывали почти половину девятого. Слегка прибрал голову в порядок, он отправился на кухню, дабы хоть как-то подкрепиться.

Рядом с холодильником лежал вскрытый пакет картошки, хотя Артём даже и не помнил, когда его купил. В одном из ящичков нашлась банка тушенки, пачка макарон. В морозильной камере лежала наполовину пустая пачкапельменей и замороженные куриные крылья. Практически всё вписывалось в студенческий быт... кроме тушенки, конечно. Но суть оставалась простой – что бы ни было сейчас приготовлено, всё требует наполненной водой кастрюли, кипящей на плите.

Пока вода закипала, Артём ещё раз прокрутил эпизод в парке, надеясь понять, куда же он пошёл дальше. Вот лавочка, разговор с Марго, её крик, от которого даже сейчас идут мурашки по коже, а дальше лишь пустота, с редко мелькающими фонарями. Видимо, голова абсолютно отключилась на какой-то момент, и вновь начала работать (или хотя-бы пытаться) уже вечером.

– Хорошо, что хоть жив остался. Или полицаи не завязали... я наверняка выглядел так, будто уже пару лет сижу на игле – предположения Артёма оборвались на закипевшей воде.

Плотно поужинав, Артём решил попытаться продолжить одну из своих работ. Спешная ревизия на предмет недописанных проектов, пара вариантов, пишущая ручка, и вот работа уже вовсю кипит, хоть голова и отказывается работать на полную силу, видимо, всё ещё не отойдя от этого состояния забвения.

Артём дописал несколько рассказов, подправил пару эпизодов и реплик в книге, прошёлся по ошибкам, выкинул те бумаги, которые не выкинул во время уборки на столе, а теперь заметил и окончательно убедился в их безвкусице, и лишь потом заметил, что время два часа ночи. Такое часто бывает – когда тебе нравится то, чем ты занимаешься, сон, голод и жажда отходят на второй план, подвинутые жаждой деятельности. Пусть Артём был далеко не из трудоголиков, писательство его увлекало, не оставляя шансов даже проникнуть в сознания житейским проблемам до тех пор, пока голова не рухнет в бессилии, словно выжатая на соковыжималке. В такие моменты ощущается приятная пустота в голове – символ того, что было сделано достаточно много для того, чтобы не оставалось слов даже чтобы думать, а лишь смотреть перед собой, ожидая возвращения в реальность. Свет настольной лампы отдавал слабую тень, а мощности не хватало, чтобы осветить комнату, за счёт чего половина оставалось в непроглядном мраке. Если бы какой-нибудь фотограф застал Артёма прямо в таком положении, то он бы обязательно сделал бы пару фотографий, вдохновленный идеей – свет есть там, где есть жизнь, даже в самом её неудачном представлении.

В пустоту врезался звук, вызванный дверным звонком.

– Два часа ночи, вы издеваетесь? – Артёму не хватало эмоций, чтобы злиться, поэтому он просто подошёл к двери и открыл замок, впуская свет с лестничной площадки. Яркая лампа, висящая на потолке площадки, резанула по глазам ослепительным по сравнению с настольной лампой светом, а когда Артём проморгался, у него встал ком в горле.

Марго стояла так же, как сидела днём в парке – склонив голову. Но теперь она не читала книгу, а лишь стыдливо смотрела в пол, держа руки за спиной. Она выглядела так, как выглядит ребёнок, пойманный за разрисовыванием стены, или ещё какой-то проказой, но при этом настолько милый, что к юноше вернулась некоторая часть сознания, слова снова оживленно копошились внутри, и он решился заговорить первым:

– Привет... а ты как узнала, где я живу?

– Ты этаж сам говорил, а в дверь я наобум ткнула, – голос не отдавал теми страшными металлическими нотками, скорее наоборот, в нём чувствовалась мягкость. Кажется, девушка собиралась с мыслями.

– Зайдёшь? – Марго кивнула и аккуратно протиснулась в дверь.

На удивление Марго, квартира оказалась пусть и достаточно маленькой, но более чем уютной: тусклый свет лампы на столе, высокий шкаф, достаточно опрятно выглядящая комната, хоть и было видно, что ей не помешал бы лёгкий косметический ремонт, на полу не лежало никакой одежды, грязных носков или чего-то ещё. Единственное, что вообще не вписывалось в эту всю аккуратность – пара скомканных листов бумаги на столе.

– Я недавно закончил... проходи, не стесняйся. Будь, что называется, как дома.– Артём достаточно редко принимал гостей, оттого такой неожиданный ночной визит несколько его смутил, хоть и вряд ли полностью обескуражил, сюрприз, всё-таки, был приятен на вид и интересен в диалоге. Марго присела с краю дивана, явно пытаясь не занять слишком много места, но когда Артём уселся в компьютерном кресле, она несколько смелее заняла половину дивана, устраиваясь поудобнее.

– Я хотела извиниться за тот момент в парке. Должна признать, это и вправду было громко и я ... я явно перегнула палку. Мне не стоило так резко отказываться, ты, в конце концов, хотел помочь...

– Да ладно тебе! Всё нормально, я, честно говоря, сам напрашивался. Интерес конечно никуда не ушел, но я не буду настаивать, если ты откажешься говорить. – Артём на секунду умолк. – Чаю?

– Не откажусь, если честно. – Марго скромно улыбнулась. Юноша быстро умыкнул сквозь тьму на кухню, включил плиту и поставил чайник греться. Вернувшись, он снова занял своё кресло, пытаясь сделать как можно более отвлеченное лицо.

– Ты чего так напрягся? Если не терпится спросить по поводу того, чё там случилось, не стесняйся, – спрашивай – в голосе девушки слышалась некая усмешка, но в то же время на лице не загуляла ухмылка, а глаза выражали скорее некую озабоченность по этому поводу.

– Я просто не хочу лезть не в своё дело, ты вряд ли по какому-то пустяку так волнуешься. Поэтому, если всё так серьёзно, то не стоит посвящать всякий сброд вроде меня в суть дела, – На последних словах у Артёма сорвался нервный смешок, и он отвёл взгляд на окно, сложив перед собой руки в замок.

– Не думаю, что стоит, но... короче, – Марго глубоко вдохнула. – Его зовут Дима. Хотя я, если честно, больше склоняюсь к Ублюдку. Вся суть в том, что эта тварь за моей спиной уже полгода кутит с какой-то другой змейей...

Марго резко замолчала.

– Я любила его. Мы давно были вместе, всё было отлично, но ему, блин, не хватало даже того, что уже было. А главное, что ему не хватило смелости всё сказать мне в глаза, зато хватило пустого места в его тупой башке, чтобы завести какой-то романчик на стороне. Мне не то чтобы обидно, мне банально больно. Больно, что даже те, кого ты любишь, могут продать тебя после минуты торгов, как старую тряпку. А главное-то то, что я подозревала его в чём-то таком. Он давно уже палился, но я лишь отгоняла эти мысли подальше, видимо, всё ещё надеясь, что не всё кончено. Зато в него верила... в его честность верила. Не хотела я эту псину на вшивость проверять. Любовь же она... она на верности строится, понимаешь? Вот

и я верила... – всё это время Артём сидел, не двигаясь, напряженно вслушиваясь в слова и всматриваясь в стол, чтобы ничего не мешало думать над произнесённым. Марго украдкой кинула взгляд на молодого человека, после чего опять склонила голову и тихонько всхлипнула.

– Я не знаю, что такое любовь. – Артём знал, что врёт, но даже сейчас он не мог по-другому. – Нет, я, конечно, получил её от роди... от родителя, но я всё равно так до конца и не понял её сути. Зато все вокруг все так стремятся завести отношения, будто это – единственный смысл человеческого существования. Да, время не резиновое, а жизнь одна – это факт. Но неужели оно всё стоит той боли, которая будет после того, как вся эта буря утихнет? Стоило ли оно всех этих слёз?

– Да, – Отрезала Марго без лишних колебаний.

– Не понимаю.

– Что именно?

– Чем он думал, когда отказывался от искренних чувств столь прекрасной особы. Не понимаю.

Марго улыбнулась.

– Я ему на мозг капала иногда. Старалась так не делать, но не всегда получалось, вот, видимо, и накапала на новую бабу.

– Чушь собачья. Буду откровенен, хотя, может, и поспешен. Если бы я был на месте этого Димы, я бы даже думать не смел об измене! – в комнату ворвался свист. – Одну минуту, я сейчас! – Артём снова скрылся в темноте, а когда вернулся, держал две чашки с пахнущим мятой чаем.

– Мята? Я давно не пила чай с мятой. Спасибо.

– Мне мама иногда присылает. У них с моим отчимом участок за городом, они там живут. Вот я иногда и получаю всякие вкусные посылки, мята просто вошла в один из их составов.

– Отчим? А что с отцом?

Артём резко помрачнел.

– Об этом я как-нибудь позже расскажу. Это немного щепетильная история.

– Прости, если что не так. – она покраснела, увидев напротив себя нахмуренные брови.

– Ничего. – Через секунду от мрачности Артёма не осталось и следа. – А почему ты пошла именно ко мне? Я имею в виду, что я вряд ли твой единственный знакомый, у тебя же есть там приятели, друзья.

– Всё сложнее, чем кажется. Не хочу перекладывать со своей головы на их, это заставит их волноваться. А ты... ты просто показался мне достаточно уверенным в себе, чтобы тебе можно было рассказать о своих проблемах. Не знаю, с чего так решила, если честно. – Марго сделала большой глоток.

– Ну вы посмотрите, как она ему льстит! Я далеко не самый уверенный человек в этом городе. Уж во всяком случае, не настолько, чтобы брать все проблемы в охапку. Хотя это моя будущая профессия, я вроде как учусь на психолога.

Марго с секунду промолчала, а после добавила:

– На самом деле, не сильно удивлена. Ты выглядишь как психолог. Такой весь серьёзный, и в то же время умеешь расположить к себе людей. Не уверена, что сочетание писателя и психолога – отличная идея, но уж точно не самая ужасная.

Он криво ухмыльнулся.

– Да, пожалуй, это так.

Повисло молчание. Тишину нарушало лишь редкое постукивание часов.

– Ладно, мне, наверное, пора, – Сказала Марго, поставив полупустую чашку на стол. – Рада была поболтать, спасибо тебе ещё раз.

– Всегда пожалуйста, я ведь всё-таки психолог.

– Пока нет. Сейчас ты помог как друг. За это и спасибо. За вовремя предоставленную дружбу.

Через минуту Марго уже окончательно собралась, Артём открыл дверь и встал так, чтобы не мешать девушке выйти. Однако когда девушка поравнялась с ним, она обняла его, уткнувшись носом в плечо.

– Спасибо ещё раз... пока, – Марго улыбнулась на прощанье и пошагала вниз по лестнице. Артём проследил за ней до тех пор, пока она не скрылась из виду, и лишь после закрыл дверь.

«Теперь ясно, зачем они заводят эти отношения. Ради одних только таких моментов можно человека убить...»

Дневная усталость своевременно напомнила о себе. Артём решил больше не затягивать, поэтому быстро убрал кружки на кухню, ополоснул лицо в холодной воде и упал на диван, мгновенно провалившись в сон.

Всё та же поляна посреди леса, но в этот раз где-то слышался шелест водной глади. Солнце уже красило небо в розовый тон, летний ветерок приятно обдувал лицо, слышалось пение лесных птиц, перекличка цикад, кукование кукушки.

– ... ты как думаешь? – спросил мягкий голос девушки. Артём не слышал начала фразы, но приоткрыл глаза, потянулся и сказал:

– А, не знаю. В такой вечер и думать не хочется – только наслаждаться, – девушка расмеялась, и Артём почувствовал, как его поцеловали в щёку.

– Посчитай до десяти... Только не подглядывай, хорошо? – голос хихикнул. Когда Артём открыл глаза и приподнялся на руках, силуэт девушки стоял в нескольких метрах от него, но, увидев его, она снова хихикнула и побежала в лес.

«Догоню ведь. Даже фору дам» – отсчитав ещё пять секунд, Артём вскочил и ринулся в погоню.

Силуэт казался близко, но каждый раз петлял, уходил за повороты и скрывался из виду. Однако четкий след босых ног, тянувшийся по пыли, отчётливо давал понять, куда она бежит.

Неожиданно он очутился на берегу лесного озера. На другой стороне одиноко склонилась над водой плакучая ива, на центре озера плавал лебедь, на дальнем конце леса ходил олень с ветвистыми рогами, рядом со своей спутницей. Девушка стояла по щиколотку в воде спиной к Артёму. Он тихо подкрался к ней, обнял сзади и сказал:

– Я тебя поймал.

На эту фразу она тихо рассмеялась и грустно сказала:

– Нет, Артём, ещё нет...

Вокруг резко поднялся ветер. Девушка стала холодной на ощупь, а кожа обрела могильный оттенок. Через пару секунд она начала розоветь и теплеть, но вскоре уже краснела. Озеро осветила вспышка света, лишившая Артёма зрения на несколько секунд, а когда он вновь его обрёл, силуэт взорвался с оглушительным грохотом, забрызгав всё в округ ярко-красной кровью. Артёма отнесло взрывом на пару метров назад, опрокинув на песок. В ушах стоял невыносимый звон, но попытка закрыть уши руками ни к чему ни привела – руки были начисто оторваны чуть выше уровня локтя и теперь оттуда шли ручьи почти-что чёрной крови. Но вдруг в один момент вся боль мгновенно стихла, звон в ушах стал терпимым и даже каким-то спокойным, а перед глазами, казалось, распростёрлось ослепительно белое полотно. Полотно и тишина, прерываемая тихим и ровным дыханием Артёма прямо в центре этой белизны...

Глава 3

Чёрные плотные тучи затянули всё небесное полотно. Город, и без того погруженный в ночную темноту, обрёл ещё более мрачный вид, казалось, будто тьма настолько густая, что даже свет от фонарных столбов стал намного тусклее, чем был. Всё чаще разбивались об асфальт и крыши домов тяжёлые капли, издали слышались гулкие раскаты грома, вселяющий тревогу и трепет перед всемогущей стихией природы.

Артём встал так же резко, как и провалился в сон. К этому времени морось уже окончательно превратилась в настоящий шторм: за окном яростно завывал ветер, беспросветной стеной лила толща воды, будто одолеваемая желанием смыть дома вместе с их обитателями. Но как бы ни был силён дождь, ему ничего не оставалось, кроме как хрипеть и отчаянно стучать в окна, будить оглушительными раскатами грома и пускать множество молний, освещая округу. Но юношу мало волновал весь хаос за окном, что, впрочем, не мешало ему слегка вздрагивать от очередной звуковой волны. По большей части его сейчас интересовала Марго, а точнее её личность.

«Необычная девушка. Странная, как минимум. Хотя нельзя сказать, что это отталкивает от неё, скорее наоборот – она ходячая интрига. И книга, которую она читает, и её поведение, чёрт, да даже сам факт, что она вообще пришла ко мне посреди ночи... крайне необычная девушка, крайне необычная...»

Артём поставил чайник греться, ибо уже был уверен, что уснуть у него уже не получится. И дело было далеко не только во снах: голове не давало покоя ровным счётом ничего, а по итогу, как оказалось, любая случайная мысль может прибавится к этому снежному кому, смешиваясь в отдельные версии и теории вокруг интересующих вопросов. Время, конечно, и было всего около пяти утра, но разве так важно сколько времени, когда день и без того обещает быть долгим?

«Интересно, господа профессора и в такую погоду пойдут проводить пары? Глупый вопрос... они и под конец света выйдут на работу, а может и после него, кто их знает»

Квартиру наполнил приятный запах чая. Артём сел за стол и, медленно попивая горячий напиток, углубился в воспоминания. Обычно юноша таким не занимался, почти все воспоминания, имевшие когда-либо честь укорениться глубоко в сознании, пагубно действовали на настроение, вызвали чувство тоски, а порой и непомерной злости. Хотя большая часть злости была сконцентрирована на одном единственном человеке, смерти которого Артём желал даже спустя столько лет.

Можно сказать, что у Артёма не было отца. Был лишь Александр, ставший за все несколько лет страшным сном в сознании тогда ещё юного мальчишки. Мама рассказывала, что он был чудесным юношей, способным поразить девичье сознание своей широтой познания. Он был примером для подражания до тех пор, пока всё не пошло под откос. То ли долгий путь к цели, то ли стечение обстоятельств, но спустя какое-то время после рождения Артёма, Александр загулял. Каково же было удивление жены, когда её порядочный муж и отец становится наркоманом и алкоголиком.

Сколько Артём себя помнит тогда, они почти каждый день ссорились. Нужно ли говорить, какой это стресс для ребёнка – видеть родителей, которые чуть ли не готовы вцепиться друг другу в волосы в очередном припадке ярости. И как бы ты ни старался их помирить, единственное, что ты получал – это оплеуху от отца и бессонную ночь. Но в один момент ад достиг своей точки кипения, а после сразу же стих, пустив лучи надежды.

Артёму было семь, когда отец пришёл в особенно пагубном состоянии – он был полностью выбит из реальности, благодаря очередной дозе, лишь пробежал глазами от одной вещи к другой и бродил по квартире, из одного угла в другой, из одной комнаты в другую, и так до тех пор, пока не нашёл комнату сына...

Артём вынырнул из сознания и ощупал спину. Шрам в виде буквы «А» всё ещё отчетливо напоминал о том дне, ставшим последними часами мучений, переросших в ту жизнь, которая так охотно шутила над писателем в данный момент.

«Ты – моя собственность» – прозвучало эхо прошлого.

Школа. Как много ассоциируется у него с этим словом. Первая любовь, первые шаги в писательстве, первый и, пожалуй, единственный «живой» друг, первые дни в одиночестве и приход к идее отшельничества. Класс не питал симпатий к людям, подобным Артёму – слишком уж он был спокойным на их взгляд. Лишь маленький Максим Моржов, сидевший вместе с ним за одной партой, смог найти с мальчишкой общий язык, да так и просидевший вместе с ним до конца учёбы, откуда вместе ушли после девятого класса – Макс по собственному убеждению в том, что дальше ему там делать нечего, а Артём, потому что больше не хотел видеть никого из своих одноклассников. Что же, желание было исполнено, и лишь Макс остался напоминанием о тех днях – ещё одним эхом прошлого.

В очередной раз он погрузился в омут своего сознания, перебирал шрамы, оставленные обществом, один за другим, в надежде на то, что хоть когда-нибудь он их не найдёт. Но они всегда были на своём месте.

Другой же призрак былых дней был уже мёртв. Она была мертва.

Единственная, кому Артём доверился больше всех. Ради кого он был готов отдать свою жизнь, а она сделала это раньше, чем он мог представить.

Вера.

У парня побежали мурашки по спине, он протёр влажные глаза и продолжил наносить самому себе эти раны ради неизвестной цели.

Вера не отличалась от многих девушек в классе. Такая же жизнерадостная, не обделенная вниманием родителей и мужской половиной Вера, в которую Артём так легко влюбился. Его маленькая Вера, которая пусть и не с самого начала питала взаимные чувства к юноше, но позже восплававшая ответными эмоциями, поглощенная в его мир и занявшее свой пьедестал прямо на вершины душевных ценностей. Та самая Вера, которую доставили в морг городской больницы со следами удушья. Единственная и неповторимая Вера, унесшая вместе с собой веру Артёма в полное света будущее...

По щеке медленно скатывалась слеза. Артём глубоко вздохнул, утёр слезу, а чтобы окончательно не впасть в отчаяние, решил выйти в интернет.

Ноутбук встретил слепящей белизной экрана, от которой больно резало по глазам. Как и можно было ожидать, интернет работал на редкость плохо: в сети не было никого, новостей не предвещалось, потому писатель вспомнил о своих работах и принялся совмещать листы между собой, ища соединения в сюжете, после чего принялся переписывать их уже на ноутбук. Но в один момент в динамиках раздался звук входящего сообщения.

Алиса: Тоже гроза разбудила?

«Я же не давал ей свой аккаунт»

Артём: Да, что-то в этом духе, пусть и не совсем так.

Алиса: Ты вообще спать ложился?

Артём: Часа на два. Я поздно ложусь.

Алиса: А сейчас почему не спишь?

Артём: Так вроде бы решили же – гроза разбудила.

Алиса: Так ведь ты писал, что не совсем так.

Артём: Я имел в виду, что не только из-за этого.

Алиса: А что ещё?

Артём: Да так... потом расскажу.

Алиса: Ладно.

Переписка на несколько минут утихла.

Артём: Ты пойдёшь сегодня в универ?

Алиса: Да ну его! В такую погоду максимум, куда можно отправиться – так это в могилу.

Артём: Хах, да, есть такое.

Артём: Как думаешь, долго это продлится?

Алиса: Если честно, то не хотелось бы, чтобы он так весь день лил. Перспектива остаться дома на весь день меня совсем не радует.

Алиса: Кстати, может беседу создать? Поболтали бы все вместе. Там у меня три-четыре человека наверняка наберётся.

Артём: Это без меня как-нибудь. Я неловко себя чувствую в беседах: все друг друга знают, есть общие темы, а ты просто смотришь на это всё так, будто только узнал, что диалоги иногда ведутся между более чем тремя людьми.

Алиса: Я думала, у тебя много друзей. По крайней мере, ты не выглядишь как полный интроверт.

Артём: Коим я и являюсь на деле? Забавно.

Алиса: Ну, в смысле, что... не знаю даже. Разве это не скучно?

Артём: Бывает иногда, но я привык. Оно вдохновляет.

Алиса: И чем же?

Артём: Своей независимостью.

Артём: Ты представь, как это безупречно, когда твой день не зависит от того, с кем ты поговоришь, а кто останется молчать. Как это просто, когда ты можешь сам выбирать, куда пойдёшь, что ты там будешь делать, а самое главное, это то, что никто не может сказать тебе что-то в ответ, потому что никому.

Алиса: Это глупо как-то. Как по мне, у всех должны быть друзья. Даже у тех, кому они не нужны.

Артём: Для чего?

Алиса: Наверное, чтобы не свихнуться от одиночества.

Артём: Мне кажется, что если я имел шанс свихнуться, то я его уже использовал. Иначе вряд ли можно было бы столько прожить, будучи окружённым рутиной со всех сторон.

Алиса: Ты окружен рутиной лишь потому, что сам её пустил к себе, и не хочешь выдворять.

Артём: Просто она оказалась более щадящей по отношению ко мне, вот и всё.

Алиса: Жизнь – это один большой риск. И вряд ли то, как живёшь ты, можно назвать жизнью вообще.

Артём: И как бы ты назвала мою жизнь в таком случае?

Алиса: Существование.

Он задумался.

Артём: Даже если и так. Я привык к этому всему. Мне просто нравится это, и всё тут. В этом есть свой шарм, во всяком случае.

Алиса: Неужели ты действительно такой бесчувственный?

Артём нахмурил брови.

Артём: Мои чувства мертвы.

Алиса: Скажи, ты любил когда-нибудь?

Артём: Ты не хочешь знать ответа на этот вопрос.

Алиса: Вот как? А может, это ты просто не хочешь рассказывать о неудачном опыте?

Артём: Ты. Не хочешь. Этого. Знать.

Алиса: Возможно, это я решаю, что я хочу знать, а что нет?

Артём: Хорошо. Тогда я не сильно хочу об этом рассказывать.

Алиса: Так бы и сказал сразу.

Артём был зол. Зол на себя за то, что ведёт себя как ребёнок. Зол на Алису за то, что она просто появилась не в то время не в том месте. Зол на весь мир и за то, что он так несправедлив, и что он вечно играет злые шутки с теми, кто пытается этот мир как-то изменить в лучшую сторону. Он просто был зол.

Алиса: Артём?

Артём: Что?

Алиса: Я боюсь грозы.

Артём: Все мы чего-то боимся, как мне кажется.

Алиса: А знаешь, почему я боюсь грозы?

Артём: Ни малейшего понятия.

Алиса долго печатала сообщения, потому Артём успел сходить за второй чашкой кофе.

Алиса: Когда мне было лет восемь, родители отправили меня к бабушке в деревню. Старуха добрая была, но, если честно, то я почему-то не выносила этого затхлого воздуха в доме и кота с облезлым хвостом, поэтому бесконечно была на улице, играла с местными. Там ещё лес был такой классный: не слишком густой, но при этом достаточно для того, чтобы в прятки поиграть, или шалаш построить какой. Но я больше всего поляну любила, называла её островом среди зелёного моря. Там никто никогда не появлялся, вот я и заклеила это место как своё, лежала там летними вечерами и мечтала о детском, смотря в небеса. Там ещё такой дуб был массивный, хотела на нём колесо повесить, но не нашла в итоге... зато роман там нашла. Так вроде, ничего такого – обычные детские сопли, но тогда это казалось таким важным...

Алиса: В последний день перед моим отъездом дождь полил. Ну, я и решила попрощаться со своей полянкой. Пришла туда, а там прямо в нескольких метрах от меня молния зарядила. Думала, что ослепла, а в итоге – нет. Но с этих пор я ненавижу грозы.

Артём: Печальная история.

Алиса: На самом деле нет. Ну... может и да, конечно, но мне кажется, что она хорошая. В ней светлая грусть, ностальгия прям таки.

Артём: Никогда не испытывал чувства ностальгии... повода не было, наверное.

Алиса: Ещё будет, я уверена.

Алиса: Ладно, я, пожалуй, попробую уснуть. Да и тебе советую спать пойти. Пока.

Артём: Спокойной ночи.

Артём перечитал историю Алисы.

– А может и правда... светлая грусть... хм. – Артём пробежался глазами по всему диалогу, после чего вытащил наушники и, поставив на повтор одну из своих любимых аудиозаписей, продолжил переписывать. Уверенность в том, что он просидит так до самого утра, подкреплял кофе, настроение и шум за окном – атмосфера в самый раз для стука клавиш.

Артём проснулся от проходящего в окно света. Небо было всё ещё затянуто тучами, но сейчас дождь заметно ослабел, и теперь не выглядел как стена воды, а лишь как самый обычный дождь в октябре... правда сейчас конец апреля. Начало пар он проспал, поэтому было решено сделать очередной выходной, посвященный неизвестно чему.

Будучи писателем, Артём не мог себе позволить уснуть за рабочим местом – мало ли что он наворотит, заснув в сидячем положении. Но сегодня сон нагрянул столь неожиданно, что сил на то, чтобы перебраться на кровать, попросту не хватило, и он так и лёг: в одежде, с открытой строкой и светящим ноутбуком. К слову теперь на том месте, где юноша закончил писать, сияло множество букв, по которым Артём прошелся лицом во время сна.

Хотя утро омрачала не только погода на улице и сохранившийся плохой настрой: дом был обесточен. Видимо, энергосеть не выдержала столь сильной грозы, и теперь лишь избранные могли похвастаться электричеством. Но так как плита у Артёма была газовая, а горячая вода спокойно лилась и без света, парень вытащил фонарик и уже через пятнадцать минут пил чай. Он был бодр и свеж ровно настолько, насколько позволял день. Однако мысли наотрез отказывались войти в хоть относительно позитивное русло, так что он плюнул на тщетные попытки придать своему виду хоть каплю весёлости и задумался.

На протяжении вот уже скольких лет его жизнь идёт по единому маршруту. Витки этого цикла накладывались друг на друга, не меняли ни формы, ни цвета, появлялось желание изменить ход событий. Но диалог с Алисой больно задевал по этой рутине словом «существование», которое было позорным, но ужасно правдивым по отношению к стилю жизни одинокого студента. И ведь он не единственный, кто предпочитает такую жизнь: многие в нашем мире ждут момента для того, чтобы перейти от бездействия к действию. Проблема лишь в том, что ждут момента, а не создают его своими силами. Решив закончить свою мысль на свежем воздухе, Артём накинул пальто и поднялся на крышу.

Резкий порывистый ветер так сильно ударил в лицо, что он на несколько секунд утратил способность дышать. И без того пустынный и безжизненный пласт цемента выглядел ещё мрачнее, утопал в мелких лужах и ёжился под порывами воздуха. В прочем, весь город сейчас

выглядел именно так, отчего обычно мечтательные эмоции, вызываемые крышей при обычном стечении обстоятельств, теперь вызвали желание больше никогда на неё не подниматься. Артём нащупал в кармане потрёпанную пачку сигарет, рядом с которыми лежала зажигалка, вытащил одну, после чего медленно закурил. Обычно он старался сдерживать себя: всё-таки идея ежедневно приближать свою смерть, вдыхая дым, выглядела всё ещё глупо и бессмысленно. Но порой бывали такие дни, когда к этому предрасполагало практически всё, и этот был как раз таким.

– Я думала, что ты не куришь. – Артёму не пришлось оборачиваться, чтобы узнать собеседницу по голосу.

– Просто я делаю это редко, не люблю травить своё же тело.

Марго встала рядом и повторила процедуру.

– И тем не менее, ты сейчас здесь. Я вообще хотела спросить, работает ли у тебя электричество, но тебя дома не было.

– Слегка надоел вид собственной квартиры. Забавно, да?

– Всем всё по итогу надоедает.

– Я думал, что это никогда не произойдёт со мной. Выходит, что я наивен.

– Да, выходит именно так.

Наступило молчание.

– Ты давно куришь? – спросила Марго.

– Сложно сказать, что я вообще курю. Это скорее какое-то баловство – редкое и, как правило, лишь в особых случаях, как этот вот, – он показал рукой на вид вокруг. – А так, вроде бы, около полутора лет.

– Солидный срок.

– Был бы таковым, если бы я делал это постоянно. А так....

– А так ты умудряешься держать меру. Молодец, – Марго улыбнулась.

– Не думаю.

Артём выбросил окурочек с крыши.

– Мне надоело то, что я существую, – он глубоко вздохнул и направился к выходу.

– Подожди! – девушка поравнялась с парнем. – В каком смысле?

– В прямом, наверное.

– Просто я не совсем поняла, к чему ты это сказал, – акустика подъезда плавно вступила в диалог и теперь отзывалась эхом на каждое слово.

– Ну, давай попробую объяснить. Вот есть... люди, да? Они рождаются, идут учиться, работать, может не идут работать – вариантов развития сюжета миллион. В процессе они гарантированно заводят друзей врагов, коллег и конкурентов, приятелей и недоброжелателей. Но кого я забыл упомянуть?

– Кого?

– Я забыл упомянуть любовь. Мне стало казаться, что человек без любви не живёт, а лишь существует, именно это и заставило меня сегодня подняться на крышу, это же меня и будоражит всё утро, и это подмешивает свою ложку дёгтя и в без того не самое вкусное лекарство, под названием жизнь... как ты опишешь любовь коротким определением?

Марго ответила не сразу.

– Пожалуй, как самое непостоянное, лучшее и вместе с тем худшее чувство на Земле. Но ведь ты же не хочешь сказать, что это что-то изменит?

– Я хочу сказать, что меня это достало, – Артём открыл дверь и остановился в проходе. – Ты прости, мне нужно дописать кое-что. Не уверен, что это выглядит тактично, просто я сегодня не в самом разговорчивом настроении... пока. – Дверь закрылась, так и не дождавшись ответа.

Естественно, Артём не собирался ничего дописывать. Он оглядел серый обыденный пейзаж и почувствовал рвотные позывы, вызванные рутинной. Старым казалось всё: раковина, холодильник, диван, ноутбук, в один момент и сам Артём показался себе же каким-то древним и устаревшим, будто проводной телефон.

– Нет, всё-таки надо проветриться. – Артём достал мобильник и сел на диван, попутно набирая номер Макса. Спустя несколько гудков, из динамика раздался заспанный голос:

– Алло? – Макс шумно зевнул.

– Как ты можешь так долго спать? – в голове писателя чувствовался неподдельный сарказм.

– Чё? А, Леший, ты что ли?! Так я лёг в семь, мы до утра тусили. Ты не представляешь, какие там на вечеринке были ба...

– Избавь меня от подробностей. О своих пьяных похождениях ты можешь рассказать в другое время.

– Ага... когда ты звонишь! – Макс рассмеялся. – Чёрт, Артём, дружище, ты мне на мобильный сто лет не звонил! Чем обязан?

– У тебя на днях не запланировано очередной тусовки? Такой, чтобы даже меня растряссти?

– Да, у меня... стоп, что?! *ТЫ* собираешься *СО МНОЙ* пойти на *ТУСОВКУ*?! – если бы не телефон, Артём мог бы ощутить удивление Макса кончиками пальцев.

– Ты так реагируешь, будто я робот, которому чуждо понятие веселья и отдыха.

– Ха-ха, да! Ты чёртов робот, Артём! Я бы за такой долгий период времени с катушек слетел, если бы всё это время сидел дома! А ты не только не слетел, но ведь ещё и трезвенник, да?

– Что-то в этом роде...

– Артём! – Макс перешёл на крик. – Я спасу тебя от тебя самого! Просто... эм... просто дождись вечера, о'кей? И-и я всё соображу! Клянусь тебе, мы найдём способ, как растряссти твоё залежалое чувство ритма жизни, я поставлю тебя на ноги, уж не сомневайся! Короче, смотри, я наберу тебе в... в шесть вечера. Согласуем, где встретиться, все дела. Всё будет в шоколаде, мужик, слово тусовщика номер один в этом городе! Ха-ха, Артём собрался развеяться, теперь ясно, отчего такая погода. Да это же чёртов феномен!

– Смотри не переусердствуй только, тусовщик блин! Я-то помню, чем всё в прошлый раз закончилось.

– Ты про тот случай два года назад? Да, я помню. Ты ведь так и не вспомнил, кто тебе фонарь поставил под глазом? – с усмешкой в голосе спросил Макс.

– Нет...

– Фонарный столб, в который ты впаялся, когда мы отвернулись! – из трубки раздался оглушительный хохот. – Так, ладно, я погнал всё готовить. А ты... найди что-нибудь из нормальной одежды, прошу тебя! Короче всё, я побежал, пока! – Макс сбросил трубку. Юноша решил сразу заняться делом и открыл шкаф.

Гардероб Артёма никогда не мог похвастаться насыщенностью цветов или обширным выбором, поэтому если ему было нечего надеть, то лишь из-за недостатка одежды. Пара костюмов для походов в университет, чёрные джинсы с настолько широкими штанинами, что при особом желании можно было забыть, что они вообще были надеты, несколько футболок для дома и редких занятий физкультурой, а так же единственная неофициальная рубашка в крупную зелёную клетку с возможностью укоротить рукава – любимая вещь в шкафу писателя, которая тут же отравилась на возникшую посреди комнаты гладильную доску. Но, к сожалению, все дела на этом же и заканчивались и, приготовив одежду, Артём решил продолжить заниматься тем, чем хотел заняться ночью.

Когда ты чего-то ждёшь, время тянется беспощадно медленно. Конца ли рабочего или учебного дня, прихода нужного автобуса на остановку, встречи ли с любимым человеком, или и вовсе звукового сигнала от микроволновой печи, закончившей с подогревом еды. Во всех этих случаях время играет с терпением застывшего в ожидании человека, не интересуясь, что станет с ним после этого, что было до того, оно будет идти невыносимо долго, настолько, что легко сойти с ума. Но время, несмотря на свою нерасторопность, в любом случае стремится превратить будущее в настоящее, а настоящее в прошлое, ибо такова природа времени – оно может идти, плестись, лететь вперёд, но не сделает ни шагу назад. Артём тоже немало пострадал в своё время от ожидания, и даже сейчас он не был способен сконцентрироваться на рабочем процессе, часто поглядывая на тикающие часы. Ему казалось, будто они намеренно замедлили свой ход, и теперь шли в два раза медленнее обычного, или же просто Артём настолько глубоко утонул в болоте своего сознания, что даже время сжалилось над ним и ускоряло каждое его действие?

Юноша в очередной раз отвлёкся от текста, мысленно выругался и закрыл ноутбук: было понятно, что это всё бесполезно. Но в запасе всё ещё находился один приём, ускоряющий ход

даже самых медленных единиц времяисчисления. Стоило лишь подумать о чём-то, развить мысль и пытаться достроить её, обрисовать, словно художнику, и вот тогда мир зашевелится вокруг с уже привычной быстротой.

Когда часы показывали без двадцати шесть, телефон зазвенел, чем вывел парня из глубин собственного разума. Звонил, как ожидалось, Макс, из-за чего Артём спешно нажал кнопку «Принять» и услышал возвышенно-весёлый голос из динамика, готовый в одно мгновение сорваться на крик.

– Здоров, Леший! Чё как, ты готов?

– Уже давно.

– Отлично! Просто безупречно прямо! – Макс будто бы взвизгивал от удовольствия. – Тогда я жду тебя возле «Соколовского», помнишь, где это?

– Помню, а что самое главное, подозреваю, с чего это вдруг ты решил встретиться возле торгового центра. Что, мадам Модница, опять вещичек не хватает? – съязвил Артём.

– Иди ты в баню с такими шутками, всё серьёзно! А ещё у нас мало времени, так что дуй к остановке, шутник. – Макс сбросил до того, как его друг успел что-либо сказать напоследок. Решив не терять времени, Артём быстро собрался, ещё раз на всякий случай глянул на время и вышел к остановке.

Торговый центр «Соколовский» был настоящим воплощением мечты шопоголиков. Это было огромное по площади четырёхэтажное здание, украшенное белыми и оранжевыми пластинами, а также парой больших экранов и лампочек, блестящих всеми цветами радуги в ночное время. И мало того, что на этих четырёх этажах уместился продуктовый супермаркет, кинотеатр, игровая зона и солидных размеров ресторанный дворик, остальную площадь занимало неисчислимое множество лавочек, бутиков, магазинов, прилавков, стоящих посреди свободных дорожек и многого другого. Одним словом, можно было с уверенностью сказать, что если здесь продавалось не всё, то уж точно почти всё. Всё это было, несмотря на дурную репутацию никому неизвестному хозяину центра, который якобы приехал прямо из столицы, дабы привнести её пижонство в этот далеко не самый большой городок. Забавно было ещё и то, что ему приписывали почти все преступления, происходящие в данном захолустье, что, в общем то, вызывало лишь улыбку на лице, когда очередной обвинитель с жадным взглядом прочёсывал названия магазинов один за другим, слоняясь по этому самому торговому центру.

Артём вышел на остановке, которая была построена вместе с «Соколовским». Макса нигде не было видно, но как только рука потянулась за мобильником, его фигура медленно выплыла из-за угла и пританцовывающей походкой направилась к своему другу. Сразу бросился в глаза наряд тусовщика: одежду как будто измазали краской разных цветов и оттенков, из-за чего теперь весь этот хаос ужасно рябил в глазах.

– А я знал! – Макс крикнул так громко, что несколько стоявших на остановке покупателей обернулись в его сторону. – Я знал, что ты придёшь так, будто собрался на поминки! Только... на поминки ведь не ходят в зашарканных кроссовках!

– Я тоже рад тебя видеть, Макс. А я думал, что ты работаешь кем-то посOLIDнее, чем маляром.

Обиженное чувство стилия модника сразу перешло в надутые губы и хмурые брови.

– Тут всё фирменное, между прочим! Ай, короче, ты просто не шаришь, пошли уже, у нас мало времени.

– Куда ты уже собрался?

– Как куда? Делать из тебя человека, куда же ещё?

Артём скрестил руки.

– Чува-ак, так уже сто лет никто не ходит! Мало того, что весь в чёрном, так ещё и в пальто! Ну серьёзно, тебя хоть сейчас отправляй... не знаю, куда угодно, но не на тусовку. Меня заживо сожрут, если ты в таком виде придёшь и ещё моим другом назовёшься.

– Моржов, я сейчас не в самом лучшем материальном достатке. Мне банально нечем будет платить за обновки.

– На этот счёт не беспокойся! – Макс вытащил скрученную пачку тысячных купюр, зажатых резинкой. – Сегодня всё за счёт заведения, писака!

– Между прочим, писательство – вполне себе прибыльное дело, если частить. А если выпускать новые книги редко, то получается то, что и должно выйти.

– Ну и как давно ты в последний раз что-то сдавал?

– Месяца четыре назад... кажется.

– Угу, вот тут и всё твоё писательство. Недельку ешь мясо, остальное время Доширак, пошли уже! – он нетерпеливо тянул Артёма за рукав, словно ребёнок маму в отделе игрушек. – Ты у меня заблестишь сегодня на фоне остальных.

– Если ты меня оденешь в стразы – я тебя живьём закопаю.

– О, а это хорошая идея!

– Макс!

– Расслабься, шучу я. Идём.

Матовое белое напольное покрытие торгового центра сияло чистотой, несмотря на ходящих тут и там покупателей и простых зевак, разглядывающих витрины. Артём уже успел заглянуться на манящий перспективами магазин канцтоваров, но Макс выдернул друга из мечтаний и указал на магазин одежды.

– Вот она – святая святых каждого человека, кто хоть немного чувствует стиль жизни! Тебе бы стоило закупаться здесь, а то ты выглядишь так, будто тебя от этой самой жизни кто-то отключил.

– Я же тебе не советую, где покупать ручки, верно?

– Потому что я всё равно не пишу на парах, ха! О, смотри какая рубашка!

– Смотри, какой ценник! Макс, помилуй, я за неё не расплачусь. Её, судя по всему, шили вручную в горах Тибета, не меньше.

– Если бы это было так, она бы была безвкусной, а эту шили в... – он глянул на бирку, – ну, кстати, достойно, даже вполне достойно! Возьми-ка её, а я ещё чё-нить присмотрю, вон те джинсы, например. Артём, не отставай там!

– Господи, я не думал, что умру именно так... так глупо, – простонал Артём, теряясь в лабиринтах из одежды.

Спустя полтора часа Макс закончил свой (именно свой) марш-бросок по магазинам, где лишь на заднем плане проскакивал его личный манекен, на котором умещались все те вещи, которые, по мнению модника, выглядели достойно. В виде последнего штриха он отправил Артёма в парикмахерскую, где отдал тройную сумму за то, чтобы его приняли вне очереди. Когда же Артём вышел оттуда, Максим присвистнул и сказал:

– Я превзошёл самого себя!

Артём осматривал свой новый образ, стоя перед зеркалом: на голове красовался ужасно модный по меркам его мучителя зачёс вверх. Пальто сменила чёрная ветровка из чистой синтетики, джинсы приобрели слегка зауженный вид, подчёркивающий образ и, естественно, сменили цвет на более классический синий, опоясанный тканевым ремнём. Даже кроссовки – самый незначительный элемент стиля, выглядел вполне сносно, особенно по меркам Артёма, который вовсе не разбирался в моде. Стоило бы отметить, что ему самому понравился новый стиль.

– Остался последний штрих! – Макс сунул руку в карман и положил его содержимое в новокупленную ветровку. – Это так. На будущее.

– Макс, я и так уже тебе задолжал, а ты ещё и деньги даешь, и... так, Моржов, что ЭТО делает у меня в кармане?

– Не будь таким скромным, дружище! Каждому автомобилисту нужна сменная резина! – он лукаво подмигнул ему.

– Ничего не знаю, забери себе!

– Нет, вот если останется – вернешь, а так забирай, пока дают. – Артём продолжал злобно пилиться, но вскоре понял, что это бесполезно и, глубоко вздохнув, спросил:

– Ну, куда теперь?

– В клуб. Кстати, положи пока своё старье в камеру хранения, на обратном пути заберёшь.

– Кому вообще пришло в голову ставить камеры хранения посреди торгового центра?

– Не знаю, но идея была неплохая!

– Да уж... – сказал Артём, устало вздыхая и пытаясь уместить разбухший от вещей пакет в небольшом шкафчике.

Клуб «Гелиптерум» был одним из немногих относительно приличных заведений, где порядок ставили выше желания набить кошельки за счёт проходящих отдохнуть людей, еже-

дневно наплывающих, будто приливная волна, сразу после захода солнца. Он не отличался особой популярностью, профессиональным персоналом или необычным интерьером, но при этом что-то всегда заставляло вернуться в этот мир танцев и алкоголя у барной стойки.

Макс смело прошёл через вышибалу, который даже не обратил на него особого внимания. В помещении было немногочисленно, Артём неспешно разглядывал тёмные стены, большой танцпол, окруженный множеством столиков и кожаных диванов рядом с первыми, мягко пульсирующую белым светом барную стойку, за которой скучал бармен. Впрочем, он был единственным членом персонала, кто не был занят чем-либо: диджей копался в аппаратуре, рассказывая что-то стоящему рядом с ним человеку, проходил саундчек, настройка света, и в целом весь клуб очень легко визуально делился на две зоны: ту, где переговаривались посетители, и ту, где вовсю шла работа, границей служил бармен.

– Так, ты тут немного подожди, а я сейчас приду, – сказал Макс и направился прямо к диджею, который, увидев его, сошёл с платформы и пожал парню руку. Через несколько секунд они уже вместе шли в сторону писателя.

– Артём, прошу любить и жаловать – это Стас. Стас – это Артём, он – мой лучший друг и кореш по совместительству! Там ведь на всех хватит места, как я помню, сегодня далеко не самый забитый день, да?

– Да, кажется. Рад знакомству, Артём, – они обменялись рукопожатиями, на удивление Артёма, рука Стаса была достаточно сильной, что не чувствовалось при его виде, не показывающим абсолютно ничего, кроме того, что по комплекции он был больше схож на Макса, но лишь с поправкой на более высокий рост и ширину в плечах.

– Так, ну что, Стас, ты готов? Нам бы прийти пораньше, а то всё без нас начнётся.

– Они никогда не начинают без меня. Вы можете подождать минут десять? Сегодня новенький на работу пришёл, нужно ему всё показать, – Стас указал в сторону парня, с которым он переговаривался до прихода Макса.

– Да, конечно. Артём, может, бахнем для разгона? Бармен, «голубая акула», две порции!

– Звучало дико...

– Я знаю. На западе всегда были проблемы с названиями коктейлей. Садись, всё равно мы тут ещё минут десять просидим.

На столе появилось два маленьких стакана, наполненных голубоватой жидкостью.

– Это ликёр такой цвет даёт! Тебе, Леший, вряд ли даже снилось такое.

– Ты бы лучше так же знаниями в университете блестел, знаток.

– К чёрту университет! О, кстати, у меня тост! За встречу... а ещё за твоё освобождение от гнёта реальности! Сегодня ты окунёшься в совсем другой мир, так что давай не заставим его ждать, поехали! – прозвучал короткий стук стекла и вся «голубая акула» залпом отправилась внутрь, тут же на блюде появились два ломтика лайма.

– Ну, рассказывай, друг, что у тебя там? Мы как в этот универ пошли, так ты совсем весь мрачный стал, ни на улицу не вытащить, ни просто поболтать. Занят чем был? – начал расспрашивать Максим, прикусывая лайм.

– Можно и так сказать. Я весь год писал одну книгу, которая мне по итогу принесла солидный доход и даже некоторую популярность в узких кругах. Но дописал-то я её месяца три тому назад, то есть ещё в январе месяце, а до апреля просто отдыхал – это сильно выматывает.

– Значит, всё же книга? Как называется хоть?

– «Дневники пожирателя». Я не сильно заморачивался с названием.

– И о чём она?

Артём улыбнулся.

– А это ты, Максим, сам должен узнать, если конечно ты ещё читать не разучился.

– Хитришь, Серов? Ничего, я тоже умею хитрить... бармен, повтори-ка!

– Не многовато ли? Мы ещё даже не на месте, как я понял.

– Это скорее мало, чем много, Артём! Учись правильно расставлять приоритеты, а главное – пить! – Макс рассмеялся и схватил свежую порцию коктейля. – А так, должен признать, Артём, что ты меня удивляешь! Не то чтобы я думал, что ты совсем не умеешь веселиться... хотя нет, я именно так и думал, но всё же вот так сразу после стольких месяцев отдыха не столько от своих книжек, сколько от жизни в общем, и сразу в пекло... это надо уметь! Я надеюсь, что ты и дальше продолжишь меня удивлять, и сегодня мы посмотрим, сохранил ли ты свой запал, или уже окончательно перестал воспринимать этот вкус жизни, – он недвусмысленно указал на «акулу». – Давай, за жизнь!

– С каких пор ты научился говорить тосты? За жизнь!

Второй коктейль пошёл по тому же пути, что и первый.

– Ох... а ты походи с моё на всякие тусовки, Леший! Ты не то что тосты научишься заворачивать похлеще гостей с гор, так ещё и деньги будешь за них получать. Да... может, тамадой пойти, как думаешь?

– Думаю, что ты будешь напиваться быстрее всех, – Максим взорвался фальшивым смехом.

– Насмешил ты, конечно, насмешил! Я уже слишком давно в этом бизнесе, чтобы напиваться быстрее кого-либо! Вот увидишь, я ещё всех вас переживу, с таким образом жизни, потому что алкоголь – это полезно!

– Только ты забыл, что он полезен в меру, и по большей части вино.

Из полумрака вышел Стас, державший в руках куртку.

– Так, ну что вы тут, не заскучали? – скорее из вежливости спросил Стас.

– Как видишь, нет, – Макс указал на пустые стаканы. – Чё, идём уже? Скоро солнце скроется.

– Ну ты не мог что ли подождать? Нет бы как все нормальные алкоголики пить на месте, так нет, этот ещё и по пути удумал нажраться. Твою медь, Морж, ты этим уже нервируешь! – вдруг завёлся Стас.

– Так, Диджей, спокойнее, сегодня повод есть! У меня друг из заточения вышел, можно сказать, выбрался из плена!

Стас покосился на Артёма.

– Что-то слабо верится, что он сидел...

– Чё? А! – Макс взорвался хохотом. – Да я не про тюрьму, придурок! Он у нас домашний! Блин, скажешь тоже, *сидел*. Артём, вот скажи, как таких только матушка Земля носит?

– Не знаю, тебя-то она как-то терпит ведь, – лицо парня кривилось в усмешке, Стас же не смог удержаться и тихонько прыснул.

– Тоже мне мистер Порядочность! Погнали уже, я не хочу опоздать!

Они достаточно долго шагали по улицам города. Всё ещё шёл небольшой дождь, дул прохладный ветер, машины разбрызгивали грязную воду по тротуару, отчего на джинсах вскоре появились пятна песочного цвета. Когда Артём спросил, куда они идут, ему никто не ответил точно, и лишь в очередной раз указали на «чрезвычайную секретность» места. Но вскоре юноша и сам начал догадываться о том, где это место находится: многоквартирные дома постепенно начали редеть и вместо них уже всё чаще появлялись старые участки с частными ветхими домиками, больше похожие на нежилые и покинутые. Из-за этого мысль неожиданно всё отменить проскакивала всё чаще и выглядела всё более заманчиво, а сама авантюра начала казаться глупой.

– Тормози, шеф, пришли! – вывел Артёма из задумчивости Макс.

Этот дом был заметно более новым, по сравнению со многими тут: кирпичная основа была сделана в три цвета и создавала незамысловатый узор, в пластиковых окнах уже горел тусклый свет, по черепице на крыше барабанили капли, спускающиеся по сточной трубе прямо на дорожку, которая шла вокруг всего дома. Сам участок тоже был раза в два больше других, прямо возле широких ворот виднелась крыша гаража, а из дома иногда доносился приглушённый смех. Макс вбил код на электронном замке, стоящем на двери и вошёл сразу, как только распахнул её, Артём прошёл за ним.

Гараж был открыт, в нём стоял черного цвета массивный внедорожник, а рядом с ним скромно уместился камуфляжный квадроцикл, выглядящий, как минимум, смешным на фоне чёрного гиганта.

– Эй! – Макс постучал в запёртую дверь дома и оглушительно свистнул. – Открывай, медведь пришёл!

– Урод, ты окончательно мозгами тронулся? – раздался шипящий голос из-за двери вместе со щелчками замка. – Ещё раз так свистнешь, и можешь попрощаться со своими зубами, соловей блин!

В дверях стоял парень, несколько ниже Артёма ростом с бритой головой. Вместо рук были самые настоящие горы мышц, как, в прочем, можно было сказать и по всему остальному телу. Маленькие глазки смотрелись смешно на лице амбала, но и они давали понять, что он был настроен максимально серьёзно, однако через несколько секунд немая сцена закончилась и они с Максом обменялись рукопожатиями, громко смеясь.

– А в остальном рад тебя видеть, Морж! И тебе привет, Стас. Только это кто? – Пока они переговаривались, Артём успел заметить, что новый знакомый, как и Макс, почти всегда

кричит во время разговора, что могло бы говорить о плохом слухе и последствиях громкой музыки. Однако теория сразу рушилась под напором спокойной и не кричащей речи Стаса, который пусть и работал диджеем, но даже повышал голос всего на несколько нот выше, что не так сильно раздражало.

– А это Артём, мой кореш. Мы с ним с самой школы дружим. Он вроде как попросил меня избавиться от трезвости бытия!

– О, ну тут ему Химик поможет. Меня Серёгой звать, можно просто Скин. Не в плане, что скинхед, а просто голова бритая, – Артём пожал огромную лапу Сергея, насквозь пропахшую табаком.

– Может,пустишь уже? А то чё мы как неродные-то? – Стас оскалился.

– А, конечно, заваливайтесь! – Скин отошёл в сторону и впустил гостей.

Первое же, что бросилось во внимание, а если быть более точным, то в нос – резкий стоячий запах спирта вперемешку с табаком и ещё чем-то незнакомым. Из комнаты подальше слышались громкие голоса, смешивающиеся вместе с музыкой в один большой хаотичный комок звука, от которого даже скрипнувшая где-то дверь показалось чем-то ужасно громким.

– Кто это тут решил начать вечеринку без папочки?! – громче обычного крикнул Макс, влетая в комнату, не снимая кроссовок. В ответ послышался очередной взрыв из голосов, где кое-как можно было разобрать слова приветствия. Артём вышел из прихожей и сразу попал в большую гостиную, где по бокам тут и там стояли белые диваны, к которым жались по обеим сторонам тумбочки, сплошь заставленные рюмками, стаканами и бутылками.

– Так, братва, попрошу минуточку внимания! – Начал Макс. – Во-первых, что это за шлак у вас тут играет? Стас, разберись с этим недоразумением, которое кто-то по ошибке назвал «музыкой», пожалуйста. Спасибо. А теперь... – он схватил Артёма под руку и подвёл к себе, – позвольте представить новенького в наших скромных, но самых потрясных кругах этого города! Гроза литературных агентств, домосед номер один по версии журнала «Интроверт» за несколько прошедших лет, мой лучший друг а ныне ещё и человек, который к чёрту взорвёт сегодня эту тусовку своей крутостью. – Макс вдруг начал растягивать слова, пародируя конференсье на боях без правил. – И-и-и зовут этого красавчика А-а-а-арт-ё-ё-ё-ём!

Взрыв аплодисментов и громкий свист со стороны заставили Артёма машинально развести руки в стороны и покружиться вокруг себя.

– Кто там, блин, опять свистит? – раздался бас Сергея из прихожей, которому ответил дружный смех.

– Пошли, покажу тебе, кто есть кто, – сказал неизвестно откуда оказавшийся рядом Стас. Макс в это время уже осушал содержимое одного из стаканов, стоящих на тумбочке.

Они присели на один из пустых диванов и Диджей начал указывать на людей, добавляя пару слов от себя:

– Это Полина, студентка с экономического. Скажу так, она имеет некоторые странные, хоть часто и очень удобные замашки. Если не горишь желанием в свой «первый заплыв» попасться в сети к этой искусительнице, – он перевёл взгляд Артёма на длинноволосого парня в очках, – то никогда ни в коем случае не пей то, что даёт тебе Химик. Этот ходячий закол под еврея умудряется делать такие напитки, что даже Макс со своей хвалёной выносливостью не способен долго продержаться, – он умолк, давая понаблюдать за тем, что делал Химик. – О, а вот и Катя. Катя – хозяйка этого участка, у неё отец вроде как серьёзная шишка даже в

столице, поэтому я бы на твоём месте даже не пытался играть с ней, она баба строптивая, хотя, конечно, и заманчивая на роль девушки: у неё уж точно не бывает проблем с деньгами.

Катя в это время о чём-то разговаривала с Максом, держащим в руке ещё недопитый стакан. Одетая она была на удивление роскошно, по отношению ко многим, кто был здесь: выразительное красное платье, скрученные в кудри и аккуратно уложенные на плечи волосы, отдающие золотым оттенком, туфли на таком каблучке, что Макс смотрелся как семиклассник на фоне первокурсницы, которая уже давно профессионально занималась баскетболом. И ещё одной деталью была не сходящая с лица театрально-фальшивая улыбка, похожая на те, которыми заставляют улыбаться стюардесс.

– А я скажу тебе так, Артём. Ты пришёл веселиться, несмотря на свой титул, недавно оглашённый Моржом, потому попробуй развеяться. Отсюда ты вряд ли уйдёшь до утра, поэтому лишь от тебя зависит то, будет ли это место твоей тюрьмой на сутки, или же приятной стоянкой на твоём пути.

– Спасибо, я постараюсь, – сказал Артём, но Стас уже куда-то ушёл. Писатель снова окунулся в стихийный шум, поднимающий что-то из тёмных глубин души, но это что-то было настолько слабым и холодным, что его хватало лишь на лёгкое волнение в сердце.

– Привет! – раздался звонкий голос сверху. Артём и не заметил, как уже оперся руками на колени и положил на них голову, поэтому первым делом он сменил позу для того, чтобы увидеть собеседника. Перед ним стояла Полина, чью внешность можно было рассмотреть только сейчас. До ужаса узкие джинсы, которые, казалось, заменяли ей кожу, майка, обрезанная выше половины, отчего Артём сразу отвел взгляд и столкнулся глазами со Стасом, который вроде бы и говорил с Сергеем, но при этом наблюдал за новеньким.

– Привет говорю! – вернула внимание к себе Полина.

– А? Да, привет.

– Новенький значит? – она лукаво улыбнулась и присела рядом.

– Что-то в этом духе.

– Меня, кстати, Полиной зовут!

– Артём...

– Я знаю, тебя Макс ведь уже представил всем. Он умеет представлять... а ещё позёрствовать.

– О, ты так думаешь? – вообще-то, Артём и сам знал об этом, но всё же смешал голос с нотками удивления.

– Ага! – она весело воскликнула. – Чего сидишь, кстати?

– Просто не хочу пока вмешиваться.

– Но Максим сказал, что ты сегодня тут зажёшь! – Полина обиженно надула губы.

– Ну, как сказать... – он опустил взгляд, – я просто пока не вошёл в ритм.

– Но это же неправильно! Тут запрещено скучать!

– А я и не скучаю, – на его лице появилась улыбка, которой мог поверить лишь самый наивный человек на Земле.

– А вот мне скучно... – томно протянула Полина и придвинулась поближе.

«Пора сваливать от неё, это заходит слишком далеко» – в голове словно зазвенела сигнализация, оповещающая об опасности. И хоть опасности от этой девушки не исходило, Артём понимал, что может сильно пожалеть, если не ретируется куда подальше.

– Слушай... пойду я, пожалуй, с Максом переговорю, мне нужен его совет по теме того... по теме того, что тут можно выпить! – юноша быстро встал, оставляя Полину в некотором смятиении. Он глубоко вздохнул и направился прямо к Максиму, который весело о чём-то рассказывал Кате.

– ... ты бы видела, какая у него была рожа, когда он узнал, что моя ставка зашла! – Макс рассмеялся. – О, Артём, знакомься, это мадам Катерина – хозяйка данного прекрасного дома и этой вечеринки! – Катя скромно склонила голову в знак приветствия.

– Максим много о Вас рассказывал, Артём.

– Обычно его рассказы слабо сходятся с реальностью, так что я уверен, что если мы продолжим общение, то Вы...

– На «ты», пожалуйста, чувствую себя старухой, когда ко мне обращаются на «Вы».

– Как скажешь... так о чём это я?

– О продолжении общения, кажется.

– Вы-ы пока поболтайте, а я пойду с Химиком пообщаюсь, – сказал Макс, подмигивая Артёму.

– Ох, Максим, Максим, – протянула Катя, убрав улыбку. – Я его даже Максом не могу назвать – он словно дитя... гиперактивное и непослушное дитя, – сказала Катя на одном вздохе. – К слову, я так понимаю, что вы писатель, да?

– Громко сказано. Скорее скромный автор пары книг... ты, к слову, не читала «Дневники пожирателя»?

– Нет, если честно... но, кажется, моя подруга их читала, возможно, она сегодня будет тут. Она кстати надеялась, что когда-нибудь сам автор ей расскажет о том, что же в итоге случилось с главным героем.

– Мне придётся её разочаровать, ведь я и сам не знаю, что с ним произошло и что ждёт его в будущем.

Катя скромно улыбнулась, на этот раз даже без тени наигранности.

– Значит, вы решили взять небольшой перерыв от писательской деятельности и выйти в люди?

– Не совсем. Скорее я ищу новый опыт, всё-таки это будет полезно в моих будущих работах, если таковые вообще ещё меня ждут... у меня что-то вроде творческого кризиса.

– Печально слышать. Но мне кажется, что ваша карьера, Артём, ещё не закончена, – Катя ненадолго задумалась. – А я ведь тоже пробовала себя в этом, жаль только не дошло до чего-то серьёзного, в конце концов, я нахожу это отличным способом развиваться в плане нравственности...

– Привет, Катя, – прозвучал знакомый голос за спиной Артёма.

– Алиска! Привет, моя дорогая! – Катя улыбнулась и обняла девушку. – Ты знакома с Артёмом? Он тут в первый раз. Отнюдь интересная личность, я тебе скажу.

– Да... мы знакомы. Не думала, что найду тебя здесь, Артём.

– Я тоже... не думал.

«Она всегда ходит в одном и том же?»

– Кстати, Артём, вы не могли бы порекомендовать что-нибудь из ваших работ для, так скажем, знакомства с вашим стилем? Была бы рада почитать и по возможности поддержать молодой талант.

– Я могу переслать пару электронных вариантов. Ты...

– Она есть у меня в друзьях, можешь через меня поискать, – сказала Алиса, блеснув изумрудными глазами.

– Безупречно! Кстати, хотел бы спросить, как давно такого рода сабантуи стали чем-то обыденным? – Артёму не было интересно, но он испытывал необходимость поддержать диалог. К тому же это могло бы сказать, как давно Алиса появилась здесь.

– Ой, если честно, Артём, я и сама уже не помню, – девушка налилась слабым румянцем. – Уже порядка семи месяцев, вроде как, уж не могу точнее вам сказать. Сначала это были просто посиделки с близкими друзьями, но позже мы стали рады любым новеньким, коим, к слову когда-то был и Макс, и Стас, и Алиса – она вообще самая молодая здесь... после Вас... теперь.

– Я тут вторую неделю.

«Полторы недели назад появилась в университете на концерте, а две недели назад уже состояла в местных кругах тусовщиков... интересная ты всё-таки особа, Алиса, интересная...»

– Артём! – закричал Макс прямо в ухо, запах спирта был настолько сильный, что на мгновение у Артёма помутнело в глазах, – ты все ещё трезв! Какого, спрашивается, чёрта!

– Зато ты уже еле на ногах стоишь, может тебе минералочки? – съязвила в ответ Алиса.

– А? А! Это всё Химик! И вообще, я не пьян! Так, о чём эт я? А! Артём! Ты должен... нет, ты ДОЛЖЕН попробовать его «Шведского дракона»! Эта баламутина так отбивает в мозг, что вместо ног одна сплошная вата!

– Уж вижу. Иди на диване поваляйся, а ещё лучше возьми себе новую порцию этого «дракона» и упейся в конец. – Артём отвел нос максимально далеко от пыхающего запахом алкоголя Макса.

– А это мысль! А-а-артём... ты – красавчик! Вы бы, дамы, скорее хватались за такого парня – он вообще молодец! Осталось его задницу из дома вытаскивать почаще, а там, глядишь, он и повеселее станет! – Моржов потрепал друга по голове. Девушки же тихо хихикали.

– Так, иди уже! Не-е-е позорь меня! – слегка разозлился Артём.

– Всё, всё, ни кипишуй, братик, я пошёл, – сказал напоследок Макс и скрылся восвояси.

– Обычно он напивается до такого состояния дольше, или это просто время так быстро идёт? Ох, Алис, будь добра, возьми нам «Амаретто», эта трезвость становится невыносимой...

– Как знала, что ты опять начнёшь с ликера, держи, – Алиса достала с тумбочки полупустую бутылку.

– Ты сама осмотрительность! Правда... а где тут рюмка стояла? Ладно, Артём, была бы рада поболтать, но чисто теоретически скоро Скин достанет бедного Стаса и тот организует нам танцы. А на них и без этого мало кто трезвым остаётся, так что я поспешу присоединиться к этому празднику жизни в этом сером мире. И вам советую!

– Благодарю, но для начала я ещё немного осмотрюсь...

«... на улице. Меня сейчас стошнит от этого запаха», – он решил недоговаривать.

– Конечно! Алис, зеленоглазая ты моя, ты со мной?

– Мне ещё нужно найти Химика, он что-то там хотел мне передать сегодня.

– Ну, тогда ты сама меня найдёшь! А я полетела, уже не терпится немного повисить долю спирта в голове, если вы понимаете, о чём я, – с этими словами Катя ушла куда-то наверх, а Артём поспешил выйти на улицу.

– Повышай, повышай. Может когда-нибудь так же мозги себе решишь повисить, мадам «дайте почитать»! – в сердцах сказал Артём, когда вышел за дверь.

Юноша ошупал карманы и лишь сейчас понял, что его сигареты остались в пальто, мирно лежащем сейчас в одной из камер хранения торгового центра. Но мысль о возвращении в дом даже не посетила его – дышать свежим воздухом было в разы приятнее, чем вдыхать смесь из пота и алкоголя. Он обошёл дом по кругу и увидел на заднем дворе в некотором отдалении аккуратную беседку с лавочками и столиком в центре. Дождь уже окончательно сбавил обороты и теперь лишь слабо моросил, однако, несмотря на это, Артём всё же решил присесть.

– Что ж, видимо, карцер... – писатель присел на лавочку и упёр голову на руки.

Темное небо, закрытое тучами, не давало света, но где-то за забором стоял уличный фонарь, чей свет доставал до беседки, тускло подсвечивая пустой коричневый стол. Мир вокруг тихо шелестел от капель воды, скапливающихся в ещё большие капли и падая на землю. Артём сравнил эти капли с мечтами ребёнка, который ещё не ощутил того самого «вкуса жизни», о котором так охотно говорят все на этой вечеринке, а после эти мечты разбиваются, сталкиваясь с беспощадной реальностью.

– Две недели назад Алиса впервые очутилась среди этих... кукол. Спустя несколько дней она выступает на конкурсе, с того же времени я начал писать её портрет... забавно то, что я её не заметил до этого, и вряд ли бы заметил, если бы она сама не подошла ко мне. Вроде всё понятно, но всё же... как она нашла мою страницу и мой мобильный телефон?

– Макс дал, – Артём подпрыгнул от неожиданности.

– Ты... ты давно тут стоишь?

– Из тебя вышел бы неплохой детектив, Шерлок. – Алиса беззлобно улыбнулась. – А что за портрет?

– Значит, с самого начала...

– Ага, – она присела рядом. – Ты выглядел сердито, когда вылетел на улицу. Хотела спросить, всё ли в порядке.

– Да, вполне. Просто не в своей тарелке.

– Я тоже себя так чувствовала, ты привыкнешь.

– Не думаю, что хочу к такому привыкать, если честно. Это не в моём вкусе...

– Твоё дело.

Повисла неловкая паузка.

– Катя там без тебя с ума не сойдёт?

– Ты про то, что она попросила меня взять ей этот ликер? – Алиса задумалась. – Ну... мне несложно помочь людям. Тем более она достаточно одинокий человек... по своему.

– Я тоже, вроде как, одинокий...

– Ты, в первую очередь, мужчина. А она не любит быть одна... я вообще думаю, что у неё просто какая-то травма с детства, вот она теперь и... такая!

– Или просто завышенное чувство собственной важности и мания величия, – прошептал Артём.

– Ты всегда так предвзят к людям?

– Не знаю, я обычно вообще не разговариваю с такими. Уж слишком всё у них неправильно, нелогично я бы сказал. Жизнь – сплошное веселье и пьянка, люди, не разделяющие их мнения – психи. Это всё слишком странно в моём понимании.

– Я, по-твоему, такая же?

Артём посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, что у неё на уме.

– Забавно, но нет. Я так и не смог понять, что у тебя на уме. Но уверен, что ты не из их вечеринки.

– Рада слышать... писатель, – Алиса вытащила из-за пазухи книгу и положила перед лицом Артёма. Он почти сразу узнал в темноте обложку «дневников пожирателя». – Это же всё просто сатира, да?

– В смысле?

– Описанное тобой. Ты ведь ставил цель заметно выше, чем описать чью-то судьбу, да?

– Может быть... её можно долго анализировать, и находить теории, которые раз за разом будут казаться или полным абсурдом, или гениальной задумкой автора.

– А почему именно такой персонаж получил роль главного героя?

– Я писал его с себя самого. Я, как и Пожиратель, привык к затворничеству, одиночеству, а самое главное – к тишине. Лишний шум выбивает меня из колеи, как и его, но меня не потому что это слишком тяжело. Просто, на мой взгляд, это бесполезно...

– Тебя послушать, так и жить расхочется, какой-то заражающий пессимизм прямо...

– Это реализм.

– Твой реализм уж слишком отдаёт пессимизмом! – Алиса повысила тон.

– А с чего тебя стало волновать, чем отдаёт мой реализм и стиль жизни в целом?

– Потому что это всё глупо! У тебя вообще есть друзья? Ты планируешь хоть что-то? Не знаю, девушку хотя бы найти себе, или ещё чего!

Артём помрачнел.

– Друзья есть, хватает во всяком случае. И планы тоже есть. Девушка мне ни к чему.

– Неужели в прошлый раз всё было настолько плохо, что ты теперь остерегаешься новых отношений? Вот скажи мне, что тебе твоя бывшая сделала, что ты теперь так относишься к отношениям?

Артём ударил по столу и вскочил с лавки.

– Так, я что, налетел на следователя полиции? Или может разведку, которая обвиняет меня в измене родине, и теперь подослала вот ТАКОГО странного агента, которому, видимо, даже не дали на меня досье, и он теперь копается во мне, словно глупый ребёнок в песочнице? А может всё проще, и ты наёмный убийца давно исчезнувшего клана якудза, которому мой род числится во врагах? Какого чёрта ты вообще вздумала, что имеешь какое-то право копаться в моих мозгах, словно отлично меня знаешь?! Я тебе даже не друг, чтобы ты могла так делать, приятель от силы, а ты устроила тут допрос в классическом жанре: «милый, нам надо поговорить»!

Сквозь расходящееся эхо Артём услышал тихие всхлипы.

– Ты серьёзно?!

Ему вдруг стало стыдно за себя. Он представил, как выглядел со стороны, и сердце тут же болезненно сжалось, от представшей картины не от его лица.

– Чёрт... Алис, – он сел рядом, но трогать не решился, – я не хотел как-то...

«Браво, Артём, ты идиот!»

– Ты серьёзно ничего не понимаешь, или просто прикалываешься? – тихо проговорила Алиса сквозь срывающееся дыхание.

– Что именно я не понимаю?

– Я поняла... – она взорвалась новым приступом слёз.

– Алис, – Артём положил руку её на спину, – я, может, не понимаю чего-то важного, и сейчас не имею права просить тебя объяснить, в чём дело. Но постарайся хоть ты меня понять...

Алиса умолкла, теперь она лишь судорожно дышала.

– Я общаюсь с людьми раз в пятилетку. Это не оправдание, скорее признание вины. Мне просто казалось это... скучным. Всех их можно было прочитать, словно открытые книги: кто чем занимается, жизненные интересы, хобби...

– Но...?

«Это опасная игра, Артём. Опасная и с большими ставками, ещё рано!»

– Но... но тебя я прочитать не могу. Ты не такая обычная девушка, как другие, Алиса. Ты умеешь удивлять и это... это радует. Я правда ценю твоё беспокойство по моему поводу, серьёзно ценю! Просто несколько сложно привыкнуть даже к такому, самому примитивному проявлению заботы, когда прошло так много времени – это как с собаками, которые не знали ласки, а потом их резко начали гладить. Просто я не могу до конца понять, каково это, вот и всё. – Артём закрыл голову руками, будто опасаясь побоев, к горлу подступил ком, а дыхание нервно участилось.

– Прости меня... – кое как выговорил писатель.

Он не видел её, перед ним была лишь темнота, а в ушах стоял шум дождя, продолжающий напоминать о том, что он всё ещё в этом мире.

Неожиданно из дома послышалась гулкая и энергичная мелодия. Вечеринка началась.

– Пойдём? – Алиса сказала это столь мягко, что Артём вздрогнул.

– Пойдём...

Переполох в доме, который был сейчас, выглядел ещё более ошеломляющим на фоне недавнего затишья: оглушительно-громкая музыка вперемешку с радостными возгласами студентов больно била по ушам после звуков природы, от духоты нить сознания угрожающе дёрнулась, а ноги подкосились.

– Я уже успел пожалеть, что пришёл сюда! – Артёму пришлось кричать, чтобы услышать хотя-бы самого себя.

– Я уже трижды успела пожалеть, но в этом городе слишком скучно, поэтому особого выбора нету!

– А долго это продлится? Я так чую, что на трезвую голову этого не выдержать!

– В том-то вся фишка! Пошли, Химик с этим может помочь...

– Артё-ё-ём! – прозвенел голос Макса над ухом, – Ты где был, я тебя везде ищу! – он забегал глазами от Артёма к Алисе.

– А-а-а! Мужик, Артём! Дай обниму, чертяка! Вечеринка только началась, а ты уже взял быка за рога!

– Макс, ты полный идиот, если подумал о чём-то подобном! Я на улице был, мы просто разговаривали! – Артём слишком поздно спохватился.

– Да ладно тебе! Разговаривали они, я тебя, Леший, насквозь вижу!

Макс свалился, хватаясь за щеку – Алиса явно не была намерена слушать бредни пьяницы.

– Затолкай свои приколы куда подальше, Морж, пока я тебя живьём не закопала! – Алиса озлобленно стрельнула глазами и повернулась к Артёму.

«Вау» – отозвалось в голове.

– Вау! – сказал Артём.

– Ты, конечно, извини за своего друга, но я его шутки терпеть не хочу. Пошли, пусть оклемается.

– Даже спорить не смею!

Алиса ничего не ответила, лишь блеснула глазами.

На смежной с гостиной кухне сидел Химик. С его лица не сходила ехидная улыбка, а рядом стояло множество бутылок без обёрток.

– Таки приветствую тебя, дорогуша, и тебе, Изя, здравствуйте.

– Привет, Химик, послабее чего-нибудь.

– Таки Изя тоже будет? – Химик несколько оживился и поставил один стакан на стол.

– Меня, вообще-то, Артёмом звать, – сказал писатель, за что был брезгливо осмотрен.

– Или «Изя» и пьёт только вещи, названные своими именами?

– Будет, давай уже.

На столе начали сменяться одна за другой бутылки и баллоны, но в один момент Алиса схватила Химику за руку и прошипела:

– Не хитри, жидобаржа, послабее, а не «Шведского дракона».

– Но ведь...

– Послабее!

Химик ещё немного поколебался, после чего вылил содержимое в большую (до этого пустую) пластиковую бутылку с приклеенной бумажкой «отходы».

– Ну... впрочем и послабее – кошерная вещь.

Когда коктейль был готов, Химик достал тонкий шланг, выходящий из самого большого баллона, повернул вентиль, и на напитки тут же опустилось нечто, похожее на густой туман.

– Приятного вечера тебе, дорогущая, и тебе, Изя, не хворать. – Алиса ничего не сказала, лишь схватила два полупустых стакана с жидкостью неопишемого цвета и заняла единственный пустой диван.

– Не знаю как ты, Артём, а мне очень нужно забыться.

– Как ни странно, но поддерживаю. Кстати, с каких пор евреи стало ходить на такие мероприятия?

– Лично я думаю, что он, товарищ Изя, прикалывается над вами, – она засмеялась.

– Не знаю, прикалывается это он или нет, но следующий его «Изя» станет последним.

– Ну... жалко его, конечно. Но я обещаю, продолжить его дело. Держи. – Она передала Артёму один из стаканов. – Он называет его «Пустота».

– Потому что дым?

– Нет, просто по сравнению с остальными шедеврами большого ума Химику, в этом ничтожно малая доля спирта. Хотя на фоне магазинного алкоголя он всё равно самый крепкий, – она сделала маленький глоток и слегка закашлялась, Артём же решил не церемониться и выпил залпом, о чём мгновенно пожалел.

– Что это такое?!

Алиса громко засмеялась.

– Это? Вкус твоей самоуверенности! Не самый приятный, да? – девушка пыталась сдерживать смех, но каждый раз лишь снова взрывалась хохотом.

– Самой-то слабо, да?! – Артём неожиданно для себя осмелел.

– Да чёрта с два! – вторая «пустота» последовала примеру первой. Уже тогда Артём начал чувствовать, что звуки начинают смешиваться в один, ком играющей музыки, кричащих студентов и его смеха...

В ушах стоял тревожный гул. Он исходил отовсюду одновременно и чувствовался странно: будто его можно было потрогать, а на ощупь он точно был бы тяжёлым и холодным.

Артём открыл глаза и закашлялся. Перед взором стояла красная пелена, обволакивающая серые бетонные стены и потолок. К слову о бетоне – разве он был и до этого? Он сделал усилие и приподнялся. Он лежал на таком же безжизненном бетонном полу. Стены были испещрены мелкими трещинами, из которых сочился красный туман.

– Это наглость, Артём, самая настоящая наглость во всём её наглом великолепии, – прокатился эхом мертвый и одновременно с тем мягкий голос.

Спиной к Артёму стоял человек, держащий одетые в черные кожаные перчатки руки за спиной. Перед его лицом во всю стену было окно, в котором не было ничего, кроме такого же красного цвета толщи воды, сквозь которую тускло пробивался свет, заливая комнату мягким розовым светом.

– Я просто не нахожу слов, чтобы описать своё негодование, ты разочаровал меня, – продолжал человек. Он разомкнул руки и осмотрел ту, в которой появился большой боевой нож, блестящий лезвием на фоне окна.

Артём только сейчас понял, что его костюм был очень похож на тот, в котором сам юноша обычно ходил в университет: серый пиджак, синие, несколько зауженные брюки и чёрные лакированные туфли.

– А ещё у тебя нет чувства эстетики... – словно прочитав его мысли, сказал человек.

– Вот как? – только и смог выдавить из себя Артём.

Человек обернулся, и юноша увидел своё же лицо.

– Абсолютно, мой друг, абсолютно – на лице незнакомца сияла надменная улыбка. – Присядь, мне нужно с тобой кое-что обсудить... – Артём увидел позади себя деревянный стул, когда обернулся обратно, перед ним уже стоял круглый стол и прямо напротив сидел его двойник, продолжавший осматривать нож, не выражая при этом особой заинтересованности.

– Скажи мне, Артём, – на окне позади появились эпизоды, которых Артём никогда не видел или, во всяком случае, не помнил, – что это такое?

На картинах был сам Артём, но лишь по заднему фону стало понятно, что это происходило в доме Кати.

– Я не помню.

– Ах, не помнишь!

Артём не успел ничего сделать, как в нос прилетел удар, послышался хруст хрящей.

– И этого не помнишь? – картины начали сменяться с бешеной скоростью. – И этого? Может быть и этого?!

Он молчал.

– Так... ладно, знаешь, начнём с самого начала, хорошо? Это ты ведь помнишь? – на окне появился хорошо запомнившийся фрагмент из сна Артёма.

– Это помню, очень отчетливо, между прочим.

– Я знаю, Артём, я знаю! Ведь это моя работа! Кстати, дай слегка... а то у тебя нос, кажется... да, так то лучше, – юноша почувствовал, как нос встал на место.

– Спасибо.

– Да ладно, чего уж тут! – человек вдруг задумался. – И ведь заметь, какая сначала атмосфера, да? И какой...

– Кровавый финал, да?

– Именно! Это ведь было весело, не так ли? Просто всё так романтично начинается, что я ещё ни разу не смог удержаться, чтобы не внести каплю своей фантазии, – он улыбнулся.

– К слову о тебе... ты, собственно, кто?

– Не узнал, самого себя? Да... похмелье, видать, штука тяжёлая. Скажи спасибо, что я у этого сна отключил понятие боли, иначе тебе вообще не до меня было бы.

Двойник сел полубоком и устремил взгляд в окно, в котором вновь был виден лишь красный фон.

– Такой волнительный момент – я выбираю себе имя... давай Сущность? Подходит ведь, разве нет?

– Сущность – неплохое имя, – согласился Артём.

Сущность повернул голову в сторону юноши и смотрел на него абсолютно чёрными глазами. Увидев безмятежность Артёма, глаза вновь обрели человеческий облик и он сказал:

– Обожаю эту фишку. Чего не возьми, а игра со своей внешностью – лучшая вещь, которая тут есть.

– Кстати, дай проясню, мы в моём сне?

– Bravo! Артём, ты проявляешь чудеса дедукции, будучи пьяным в дрова! Я бы тебе с радостью похлопал, но в перчатках не выйдет.

– А снять?

– Ни в коем случае!

– Дай угадаю, потому что так модно?

– Не перестаёшь удивлять своей догадливостью!

– А нож зачем?

– Он красивый...

– Убийственно красивый?

Сущность захохотал.

– Да, именно так. А давай поменяемся ролями? Теперь я задаю вопросы, а ты отвечаешь!

– Давай.

– Ты зачем туда пошёл? – увлеченно спросил Сущность.

– Было скучно.

– А зачем напился до белки? Она тут, кстати, была где-то... ну да ладно!

– Само вышло как-то. Химик делает крепкое спиртное.

– Артём, я снова хочу дать тебе по роже.

– Почему?

– Потому что ты – идиот!

На столе появилась шахматная доска.

– Ты – король со свойствами ферзя. А против тебя две королевы со свойствами пешки, – фигуры сами по себе хаотично задвигались. – Обозначим их как пешка А и пешка М.

– Алиса и Марго?

В руках Сущности появились две отрезанные идеально прямые кисти, которыми он молча похлопал.

– Тебе, видимо, очень нравится игра со снами, раз тебе сделать такое проще, чем снять перчатки...

– Естественно! Иначе, зачем мне все эти способности? Так, о чём это я? Тебе нужно сделать выбор, Артём. Выбрать, кому ты отдашь свойства королевы, а кто останется пешкой. Выбор не самый важный, согласен, но лично я ставлю на Марго!

– С чего это?

– Она хотя бы не такая нелинейная, как Алиса.

– И дымит, как паровоз, не так ли?

– Артём, вот тебе мой совет, пока как от друга, – стол пропал, а Сущность встал со стула, который тут же испарился. – Не порти со мной отношения. Я в твоей голове...

– Вот именно, ты всего лишь в моей голове! – перебил собеседника писатель. Сущность нахмурил брови, и через несколько секунд Артём почувствовал ужасную боль в груди, которая расплзалась и жгла внутренности изнутри. Но больнее всего было там, где был шрам. Он скрючился, а когда поднял голову, увидел перед собой отца, по разным бокам от которого сидели Алиса и Марго.

– Это мой мир, дружище! Мой выбор здесь – закон, а что стало законом здесь – закон везде!

– Черта с два, – прохрипел Артём, боль тут же усилилась.

– Ты – моя собственность! Я уже отметил тебя, помнишь?!

– Ты всего лишь плод моего воображения, Сущность. Когда я проснусь – ты пропадёшь и больше никогда не появишься.

– Это мы ещё посмотрим... – Сущность в облике Александра злобно засмеялся, а девушки одновременно с этим начали постепенно загораться. Их крик был столь ужасен, что Артём окончательно ослабел и свалился со стула, свернувшись на полу. В один момент он увидел сущность, сидящую перед ним:

– Выбирай, Артём. Пока ещё не поздно и я не взял всё в свои руки. И запомни раз и навсегда – моё слово здесь – закон, а что стало законом здесь – станет законом везде.

Глава 4

Артём выпучил глаза, шумно вдохнул и свалился на пол. Боль мгновенно отозвавшаяся в голове, и без того готовой разорваться, резко ударила по нервным окончаниям, и юноша тихо взвыл.

– Чтоб ещё хоть раз пойти с этим модником куда-то!

– Эй, ты живой там, пионер?

– Кто там?

– Тю! Я тебя понял, – голова Стаса нависла над устремившимся в потолок взглядом, – держи-ка, не бойся – это минералка.

Артём кое-как сел, используя стену как опору ещё обмякшему телу, в три глотка осушил весь стакан и, тяжело дыша, заговорил:

– Какого лешего вообще вчера было? Как я в постели оказался?

– Поменьше вопросов, я сам мало что знаю. А вот лешего ты, Леший, правильно вспомнил. Морж не обманул, когда тебя представил, зажёт – это мягко сказано, в твоём случае.

– В смысле?

– У Макса спросишь, он на первом этаже где-то сидит. Только приди в себя для начала, ты выглядишь так, будто в коме несколько лет пролежал, – диджей спешно вышел из комнаты.

Артём медленно и неуверенно встал, пошатнулся и сел на кровать. Сквозь окно проходил свет, заметно приглушённый облаками, в которых то и дело мелькали голубые просветы. По примерным оценкам, время было уже далеко за полдень. На прикроватной тумбочке стоял ещё один стакан воды, рядом лежала записка, на которой кто-то красивым почерком вывел «Доброе утро. Если твоё утро вообще можно будет назвать добрым»

– И тебе доброе, – вслух проговорил юноша, выпивая второй стакан, на удивление ушедший заметно легче. Посидев ещё минут пять в ожидании, пока взгляд не перестанет плыть, Артём собрался с силами и медленно побрёл в сторону лестницы.

Внизу было тихо, все переговаривались исключительно шёпотом. Возле входа была целая гора пустых бутылок, рядом с которыми лежала деревянная коробка, доверху набитая осколками.

– Артём, – еле слышно проговорил Макс, держа возле лба мешочек со льдом, – подойди сюда, пожалуйста, только захвати с кухни воды, а то я сейчас засохну.

На кухне, словно не уходя оттуда, сидел Химик, потирая большую шишку на лбу. Когда показался Артём, он заметно напрягся, но всё же торопливо пробормотал, с нотками страха в голосе:

– Приветствую, Артём. Как самочувствие? – он поправил очки, на одной из линз переливалась огромная трещина.

– Всё относительно. Это кто тебя так?

– А? Да... никто, я сам нарвался.

«Я явно что-то пропустил, пока валялся наверху»

– Привет, – сказала неизвестно откуда взявшаяся Алиса. Она единственная выглядела так, будто ничего не произошло, – как ты?

– На троечку... с минусом.

– Неудивительно. Ты побил рекорд Макса по выпитым «шведским драконам».

– Чего?! – голос непроизвольно повысился на пару тонов, Артём чувствовал себя так, будто сел не просто в лужу, а в целое озеро, которое каким-то чудом не заметил прямо у себя перед носом.

– Не помнишь?

– Хм... дальше начала дискотеки один большой провал...

– Ну, я не могу сказать, что это плохо. Тут есть своего рода закономерность: чем веселее было, тем меньше ты будешь помнить на следующий день. Идём, кстати, там Макс просил тебя поторопить.

– Да ладно уже, я сам пришёл, – сказал Макс, высовываясь из-за угла и принимая бутылку воды из холодильника, – ну... Леший. Ну ты дал, конечно, вчера всем. Не всем конечно, но жару ты устроил лютейшую!

– Да что произошло-то? Может мне хоть кто-нибудь из всех присутствующих объяснить, что я натворил?

– Я могу, – сказал Макс, – только тебе это не понравится.

– Плевать, рассказывай.

– Ну... – он сделал большой глоток, – давай скажем так. Ты легко вошёл во вкус, а ещё быстрее пошёл в разнос. Сначала разбил лицо Химику, как я понял, за то, что он назвал тебя на «Изя»... потом... потом сломал руку Скину, который принялся вас разнимать, он сейчас в травме сидит. Потом прописал небольшой втык мне, потом ещё кому-то и ещё... короче, всё кончилось тем, что ты схватил кучу, между прочим, очень такого неплохо алкоголя, и сжёг всё к чертям на заднем дворе. Я же говорил, тебе не понравится, но раз уж ты попросил.

Артём уперся в стену.

«Какой позор!»

– Но расслабься, всё равно было весело. А что за вечеринка без хорошей драки?

– Какой позор... – уже вслух сказал Артём.

– Эй, эй, расслабься, кому говорят! Тебя даже не винят ни в чём. Хотя нет, винят, но меня: за то, что я тебя раньше с собой не притащил. Ты, конечно, наломал дров, но эй, такой «первый заплыв» ещё никто до тебя не устраивал. Я вообще должен быть горд за тебя.

– Скажи это Стасу, и он тебя одной рукой закопает, мне кажется.

– Он тебе привет передавал, кстати. Просто будь проще, если бы тебе хотели за это отомстить, то ещё во сне задушили. А так... Катя интересовалась, когда ты придёшь в следующий раз.

– Чтобы заранее вызвать ментов? Порадуй её, я никогда больше таким не буду заниматься.

Макс тихо захихикал.

– Ты и в прошлый раз так сказал, Артём. Алиса собиралась уходить скоро. Я-то остаюсь ещё на какое-то время, а ты вот можешь с ней пока пойти отсюда, или меня подождать.

– Я лучше с Алисой тогда.

– Правда я живу несколько ближе, тебе придётся какую-то часть дороги ехать одному.

– Не потеряюсь, пошли уже.

– Ладно, вы тогда собирайтесь, а я пойду, спрошу у Кати насчёт остатков на утро. От похмелья спасает только утреннее опохмеление! И да, Артём, – он передал ему магнитную карту, – вещички свои не забудь. А то как же ты домой без своего пальто-то вернёшься.

– Твои бы цитаты да в фонд золотых цитат. До скорого, Макс и... спасибо. – Артём пожал руку другу и вышел на улицу, где его уже ждала Алиса.

– Да, видимо, я основательно напортачил, – заключил Артём, спустя пару минут молчания.

– Определённо. Но было весело, хоть я толком ничего не помню.

– Тогда откуда ты знаешь, что было весело, если ничего не помнишь?

– На то есть две причины. Во-первых, как я уже говорила, чем веселее было, тем меньше ты вспомнишь. А во-вторых, Макс рассказал... пусть и как-то скудно. Но я ожидала меньшего от человека, который пил всю ночь.

– Я вообще до сих пор удивлён, что мне понадобилась всего одна порция коктейля, чтобы абсолютно отшибло память.

– Образно говоря, хватило то тебя надолго. Вспомнить тебе не дано, это да, а вот организм стойко сражался со всеми штучками Химика. Да и всё равно он никогда не знал меры – это я успела понять за то время, которое с ними тусую.

– Неделю.

– Да...

– Ты явно легко находишь общий язык с новыми людьми.

– Сложно сказать, – Алиса опустила взгляд. – Обычно, я не общаюсь с людьми, особенно такого плана.

– Мне казалось, что наоборот.

– Первое впечатление обманчиво. Я тоже много чего о тебе думала, а потом решила «чисто случайно» поболтать с каким-то парнем во внутреннем дворе одного университета, название которого не обязательно, – она миловидно улыбнулась.

– Макс говорил, что девушки даже по особо важному поводу редко подходят первыми.

– Тогда, если опираться на логику Макса, я даже близко не девушка.

Они почти синхронно рассмеялись. Почему-то именно сейчас Артём задумался над тем, как ему легко даётся общение с этой явно не самой простой девушкой. Мысль, что именно Алиса стала тем самым поршнем, сдвинувшим его с мёртвой точки, тихо и незаметно прокралась в сознание, не подавала вида и лишь набиралась сил, чтобы заявить о себе в нужный момент.

«... от бездействия к действию, Артём, от бездействия к действию...»

– Осторожно!

Артём не заметил, что шёл прямо навстречу столбу. Голова, и без того раскальвающаяся в связи с похмельем, вновь готова была лопнуть, подобно тухлому арбузу. Положение было ещё менее приятным благодаря мокрой траве, в которую упал юноша, не успев среагировать, а единственное, что оставалось делать – это потирать ушибленный лоб. Однако Алису ничего не волновало – она давилась со смеху.

– Я просто задумался! – Артём попробовал скорчить обиженную физиономию, но и сам понимал, что скорее последует примеру девушки, чем будет обижаться на её смех: ситуация и впрямь была несколько комичной.

– Нет... я, конечно... всё понимаю... но... – Алиса опять расхохоталась и лишь через особые усилия смогла взять себя в руки. – Пошли, горе мыслитель, у нас ещё столько фонарей впереди, а ты сейчас ещё и простудиться можешь.

– Танки грязи не боятся. Да и если так подумать, я, судя по всему, выпил столько, что сейчас никакая болезнь не выживет, – Артём отряхнулся, и они пошли дальше.

Как оказалось, недалеко от дачных участков стояла автобусная остановка, ставшая в глазах юноши спасением от ада и затяжной ходьбы, которые, впрочем, тогда не сильно отличались друг от друга.

– Я с тобой до «Соколовского» доеду, а там давай уж как-нибудь сам, – сказала Алиса. – У тебя, кстати, есть деньги на проезд?

Артём пошарил в кармане, нащупал данные Максом купюры и облегчённо выдохнул, когда почувствовал запечатанный «подарок».

– А тысячными примут? – он виновато улыбнулся.

– Если не боишься, что тебя взглядом обратят в пепел, – то да.

– Отлично, всегда мечтал быть кремированным! – с иронией сказал юноша, однако Алиса не поняла шутки и вопросительно подняла одну бровь.

– А как по мне, это дикость какая-то... не так должна память о человеке остаться. Могила, как по мне, проще с точки зрения психики.

– Психологии...

– Да не важно! У меня вот психика, у тебя психология, всё одно.

– Кстати, у древних Скандинавов всех их вождей, танов и ярлов отправляли в последний путь с их оружием на драккаре, а когда он отплывал достаточно далеко от берега, его поджигали.

– Что-то я не вижу у тебя большой двуручной секиры и пышной рыжей бороды.

– Внешность обманчива, как ты и сказала, – Артём издевательски улыбнулся.

Спустя пару минут ожидания возле остановки, скрипя тормозами, остановился грязный автобус. Передав за проезд и послушав сдавленное ворчание водителя, Артём сел рядом с его подругой на задних местах. Помимо них и водителя, в салоне спал мужчина в коричневой кожаной куртке, прячущий лицо под банданой, оставляя открытыми лишь глаза. В какой-то момент Артём почему то обрадовался, что он спит, однако не мог отвести взгляд с его образа всё время, которое тот был в поле зрения.

– У него классная куртка. Он как будто под байкера косит, только намордник ни разу не байкерский, – отметила Алиса, увидев живой интерес собеседника по отношению к спящему.

– Я понимаю... глаза просто знакомые.

– Кого узнал?

– Да так... одного человека.

Он ещё немного посмотрел в сторону мужчины, а потом мгновенно посветлел, натянуто улыбнулся и сказал:

– Не парься. Просто показалось.

– И часто с тобой такое происходит?

– Сегодня впервые.

– Неужели так сильно напился?

– Скорее всего, во всяком случае, мне кажется, что это продлится недолго.

– Когда кажется, креститься надо.

– Ладно. *Я знаю*, что это продлится недолго.

«*О, ты так уверен в этом?*» – ответ прозвучал прямо в голове, несколько выбив Артёма из равновесия.

«Безупречно. Я напил себе внутренний голос»

«Даже не думай сравнивать меня с этим подобием на меня. Ты ещё не окончательно двинулся мозгами, а я, пока что, не настолько крепко стою на ногах, чтобы вести долгие и продолжительные дискуссии на темы, о которых обычно разговаривают сумасшедшие с самим собой»

«И о чём обычно разговаривают сумасшедшие в своей голове?»

«Мне-то откуда знать? И вообще, ночью поболтаем»

«Хорошо, удачно посидеть у меня в голове»

Ответом послужила пустота и лёгкий толчок в плечо.

– Артём, ты чего? Ты уже минуту в одну точку смотришь, – в голосе Алисы чувствовалось некоторое беспокойство.

– А? Ничего... просто общался со своим альтер-эго, которое решило подать голос, – честно признался Артём, зная, какой будет реакция. И он угадал – Алиса рассмеялась и спросила:

– Это тоже впервые?

– Абсолютно. Здорово, правда? – на лице Артёма заискрилась снисходительная улыбка.

Алиса вдруг посмотрела на него. В какой-то момент в этих бездонных изумрудных глазах, где, казалось, умещалась целая вселенная, проскользило нечто тёплое, что пряталось, словно боялось показаться.

– Артем...

– Что?

– Ты во мне дырку сейчас проглядишь – она слегка покраснела

– Прости... – Артем ответ взгляд.

– Все нормально. Тебе к лицу задумчивость.

– В каком смысле?

– Есть люди, о которых по одному их виду можно сказать, что им проще утонуть в собственном мире, чем жить в нашем.

– Обычно, я предпочитаю жить в этом мире.

– Почему?

– В моём мире ещё хуже, чем в этом.

– Это невозможно. Он на то и твой, чтобы в нем было все лучше, чем в этом.

– Просто я забыл об этом нюансе в какой-то момент...

– Это плохо.

– Почему?

– Каждый должен иметь светлый уголок где-то внутри себя.

– А если не возникло возможности его создать? Или же вовсе этот мир просто украл его? Алиса задумалась.

– Тогда, мне кажется, нужно стать частью мира другого человека. По крайней мере, можно попытаться выстроить его общими усилиями.

– А если и этот мир украли вместе с его создателем?

– Тогда пропадает необходимость искать этот мир, – он у тебя есть, ибо ты уже приложил руку к его созданию. Может, он пустоват, а у тебя не все чертежи, но всегда можно найти нового коллегу по миру. Главный вопрос в том, готов ли ты двигаться дальше, или тебя терзает прошлое.

Автобус остановился возле «Соколовского»

– Тебе ведь, кажется, тоже нужно здесь выходить?

– Да, за вещами.

– Пошли тогда, я ещё с тобой пройду, всё равно дома делать нечего.

Магнитная карта с противным писком открыла шкафчик с пакетом, вещи в котором пробивали на чувство ностальгии по квартире, её скромному убранству, виду из окна; вечно гудящему холодильнику с его небольшим разнообразием в выборе продуктов; газовая плита с чайником; высоченный и почти пустой шкаф в комнате, рядом с почти до отказа забитым столом, где порой пропадали целые миры, которым уж больше никогда не суждено увидеть свет издательства и оценки критиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.